

ПРЕЗИДИУМ МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА

107996 Москва, Богородский вал, 8

Обжалуется в отношении **Каратаева А.Ю., 1964 г.р., осужденного по ч.4 ст. 111 УК РФ приговор Савеловского суда от 14.08.2017 по делу № 1-210/17 (судья Никитин М.В.) и Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 10-15575/17 (Председательствующий Колесникова И.Ю., докладчик Расновский А.В.)**

От защитника адвоката АПМО Куприянова Алексея Анатольевича (рг.№ 50/1592)
Почетного юриста города Москвы, члена редакционного совета журнала «Уголовный процесс»
125057 Москва, ул. Острякова, 3, тел.моб. (985) 761-0893

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

на вышеуказанные судебные решения ввиду нарушений закона: ч. 3 ст. 14, ч. 3 ст. 60, ч.2 ст. 74, 75, ст. 88, ст. 297, ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ (в соответствии с п.10 ППВС № 2 2014г.), ч. 2 ст.5, ст.7, статьи 61, 62 УК РФ

Обращаю внимание суда, что нижеизложенные доводы настоящей жалобы ни в каком контексте не направлены непосредственно на переоценку доказательств. Однако в кассационную жалобу наряду с указанием на прямые нарушения закона, полагаю обоснованно, включены иллюстрации существенности этих нарушений для исхода дела. Нарушения закона перечислены в разделе № 2 жалобы, и в «просительном» разделе № 4, а раздел № 3 приведен для понимания кассационной инстанцией грубости ошибок судов, ранее рассмотревших настоящее уголовное дело, и важности их исправления. Без раздела 1, уяснение разделов 2-4 невозможно.

Раздел 1. Вводная часть. Что же собственно произошло?

Приговором Савеловского районного суда Каратаев в 2017 году осужден по ч.4ст.111 УК РФ за происшествие имевшее место в **2006** году (!). А именно в 2006 году умер Макеров, персональным водителем которого являлся осужденный. Согласно половине проведенных за 10 лет «многочисленных» (так в приговоре, суд даже не указал скольких!) по делу СМЭ – Мокеров, находясь в состоянии опьянения тяжелой степени (4.6 промилле – это признано судами), упал, и, имея ожирение 3 степени (вес не менее 135 кг), сердце с искусственным пластмассовым клапаном и еще целый букет серьезнейших заболеваний, умер от естественных причин. Вторая половина из 30 (!) СМ-экспертов, с мнением которых согласился суд, сочла, что осужденный сам причинить себе вред не мог.

Приговор вынесен через 11 лет после смерти Мокерова, на которого согласно приговору осужденный якобы напал в удивительной, доселе невиданной в судебной практике форме: подсудимый якобы «соударил» умершего (так в приговоре) с

неустановленным(!) предметом с широкой поверхностью (из обстоятельств видно, что это пол), а затем якобы еще 2 раза ударил другим мифическим не менее неустановленным предметом с неустановленной же протяженностью поверхности, причем травмы нанесены в неустановленном порядке (многие эксперты считают наиболее подходящими обстоятельствами то, что умерший, падая в состоянии тяжелого алкогольного опьянения, бился о стену и мебель, пока не грохнулся на пол.

Причем «соударил» осужденный умершего не непосредственно, а в форме придания ускорения телу, якобы поэтому на голове умершего вовсе нет казалось бы неизбежных при ударах ссадин. Говоря обычным языком, суд вслед за «обвиняющими» СМЭ, игнорируя оправдывающие, решил, что осужденный умершего толкал.

Очевидцы происшедшего отсутствуют. Осужденный, первый подошедший к труп, свою причастность категорически отрицает. Мотив этих толчков, по мнению суда, якобы внезапно возникшая неприязнь из-за пьянства умершего. Если учесть, что Каратаев несколько лет таскал пьяного Мокерова домой, а умерший платил ему за это «премии», снимал ему квартиру, платил за обучение дочери осужденного, доверял маленького ребенка, который был очень привязан к осужденному, и проч., и проч., то несостоятельность такого мотива очевидна и (несостоятельность) подтверждается всеми независимыми свидетелями и проживавшей с умершим совместно супругой умершего.

За эти «соударения», якобы приведшие к смерти Мокерова, через 11 лет Каратаев, ни дня не находившийся по стражей до приговора (и не совершивший до этого времени ни одного даже административного проступка) осужден к 10(!) годам «строго режима». Апелляционная инстанция оставила приговор без изменения, устранившись от повторного исследования доказательств и мотивировки жестокости наказания, оставленного без изменения.

В период между смертью и передачей дела в суд, уголовное дело многократно (почти каждый год) прекращалось, сменилось 5 следственных органов. Обвинительное заключение утверждено прокурором не с первого раза, что иллюстрирует шаткость обвинения на всех этапах движения дела.

Автор жалобы не участвовал на следствии и в суде 1 инстанции. Юридическая помощь осужденному оказывалась адвокатами «по назначению» (ст. 51 УПК РФ), которым противостояла слаженная команда из 6 адвокатов матери умершего, являвшейся «мотором» всего уголовного преследования, один из которых (адвокатов матери) арестован по обвинению в даче взятки по обстоятельствам связанным с конфликтом супруги и матери умершего Макерова из-за противоположной позиции по данному делу. Значительное число СМ-экспертов-«обвинителей» уволены. В настоящем деле есть рапорт и допрос отстранённого эксперта-«оправдателя» об изменении мнения одного из СМ-экспертных органов с оправдательного на обвинительное и изменение для этого состава экспертной комиссии после приезда в эту гражданскую организацию (в Смоленск!) московского военного СМ-эксперта.

Ничто в деле не опровергает показания Каратаева, описанные в приговоре:

«По обстоятельствам дела (Каратаев) показал, что 6 декабря 2006 года он привез Мокерова домой и положил спать, при этом последний находился в

состоянии алкогольного опьянения. Когда он помогал Насибулиной (няня) одевать сына Мокеровых, то он услышал сильный грохот в комнате, где находился Мокеров, в связи с чем он туда пошел. Зайдя в комнату, он увидел, что Мокеров лежит на полу, он подложил ему под голову подушку и тот захрапел, после чего он вышел, поскольку решил, что Мокеров уснул. Через какое-то время он опять зашел в комнату и, включив свет, увидел, что у Мокерова синееет голова, в связи с чем он попытался привести того в чувства, но ему этого не удалось.»Приговор, л.2.

(Из приговора): «ПО ИМЕЮЩИМСЯ ДАННЫМ, СУДИТЬ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПРИЧИНЕНИЯ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ МОКЕРОВУ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ (т.3 л.д.216-258)» (Приговор, л.36). Жаль, что к концу приговора суд забыл об этой фразе.

Таким образом, осуждение человека к 10 годам лишения свободы через 11 лет после происшествия основывается на следующих исходниках при полном отсутствии очевидцев:

- на кровоизлияниях в мозг умершего спорной между врачами этиологии, описанных патологоанатомом при вскрытии некриминального трупа (достоверность вскрытия некриминальных трупов всегда сомнительна и эти сомнения подтверждены СМЭ), время и механизм получения которых умершим ввиду приема «Варфарина» с алкоголем, по сути, тоже точно не установлено;
- на присутствии осужденного в месте смерти Мокерова;
- на рассуждениях матери и двух ее шоферов о высосанном из пальца мотиве, при полном опровержении этих мотивов со стороны супруги умершего и независимых свидетелей.

Раздел 2. Прямые нарушения закона.

Защита полагает, что приговор незаконен. Судами допущены существенные нарушения норм уголовного и уголовно-процессуального закона, повлиявшие на исход дела, состоящие в частности в нижеследующем:

1. В частности к ошибочному исходу дела привели нарушения судом статьи 88 УПК РФ о правилах оценки доказательств. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточности для разрешения уголовного дела.

Ряд доказательств, и именно самых главных - положенных в основу приговора, недостоверен в силу закона. Например, СМ-специалист вышел за границы своей специальности – **дал юридическую квалификацию со ссылкой на УПК РФ (!)**. Суд принял эту квалификацию от врача-специалиста, сослался именно на юридическую квалификацию данную врачом в приговоре и на этом именно основании суд отказался учитывать оправдательную СМЭ с Алтая (подробно см. ниже), то есть фактически счел ее недопустимым доказательством. Тем самым нарушив требования г.27УПК РФ,

разъяснённой в данной части в п. 4 ППВС РФ 2010 г. N 28 "О судебной экспертизе по уголовным делам"¹.

Суд так же нарушил закон, формально не назвав СМЭ с Алтая недопустимым доказательством, но ошибочно придав этой экспертизе именно такое значение в противоречии с требованиями ст. 75 УПК РФ, разъясненной в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. N 8 (в ред. ППВС от 6 февраля 2007 г. N 5)².

Чем доказательство, признанное недопустимым, отличается в процессе доказывания и постановления приговора по уголовному делу от других доказательств? Его как бы вовсе нет, его не учитывают, и, значит, суду нет необходимости разбираться и сравнивать недопустимое оправдательное доказательство с остальными. Именно так и поступил суд. Сослался на заключение специалиста о недостатках этой оправдательной СМЭ и не стал ее вовсе оценивать по существу, то есть безосновательно придав оправдательной СМЭ – значение недопустимого доказательства, чем нарушил закон (подробнее см. ниже)

Главная обвинительная СМЭ, положенная в основу приговора, недостоверна. В ней **имеет место ЯВНАЯ арифметическая ошибка в расчетах**. Защита заявляла об этом и в суде 1 инстанции и апелляции. Исправляя ошибку, выясняется, что усмотренный удар по голове был не в 3 раза сильнее максимального удара от обычного падения, а 3 раза слабее, что начисто исключает главные выводы этой экспертизы о том, что без постороннего участия причинение имевших место травм невозможно (подробно см. ниже).

Ч. 2 ст. 74 УПК РФ содержит исчерпывающий перечень уголовно-процессуальных доказательств. Следовательно, доказательства – это не любые сведения, а только лишь те, которые специально перечислены в законе и получены при соблюдении всех формальных требований. Очевидно, что при наличии явной счетной ошибки доказательство должно было признаваться судом недопустимым.

2. Осуждение Каратаева основано исключительно на «обвинительных» судебно-медицинских экспертизах якобы доказавших, что умерший скончался от 4 ударов по голове, которые сам себе якобы причинить якобы не мог. Т.е. участие осужденного в причинении смерти доказывается - «от противного», что всегда требует особо полной системы иных (в доктрине это называется «восполняющих») доказательств, которые по делу отсутствуют.

В приговоре имеет место логическая ошибка в системе доказательств, что вовсе не связано с их оценкой. Имеет место вопиющая неполнота самой системы доказательств.

---

¹ 4. Вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний.

² разъяснено, «что доказательства должны признаваться полученными с нарушением закона, если при их собирании и закреплении были нарушены гарантированные Конституцией Российской Федерации права человека и гражданина или установленный уголовно-процессуальным законодательством порядок их собирания и закрепления, а также если собирание и закрепление доказательств осуществлено ненадлежащим лицом или органом либо в результате действий, не предусмотренных процессуальными нормами».

Это делает весь приговор незаконным, ввиду противоречия ст. 297 УПК РФ об обязательной обоснованности, иначе говоря, об обязательной полноте системы доказательств, положенной в приговор.

Что имеем? (1) В приговоре указаны доказательства, касающиеся медицинских причин смерти умершего. (2) Суд приводит доказательства присутствия осужденного в квартире, где находился умерший. (3) Вывод обеих инстанций о том, что в квартире больше никого не было (отрицательный факт) не имеет под собой никаких доказательств (подробнее см. ниже). Это – предположение суда. Я не прошу переоценить сообщение няни и самого осужденного о том, что они никого в огромной квартире не видели. Оба прошли из прихожей на кухню, плюс осужденный еще видел одну комнату, когда укладывал спать пьяного умершего. Я прошу обратить внимание на то, что поскольку никто огромную квартиру не осматривал, то вывод об отсутствии в ней посторонних – предположение самого суда, не подкреплённое вообще никакими доказательствами. Соответственно приговор основан на предположении о том, что в квартире никого не было, что незаконно. Это вовсе не ошибка оценки доказательств – это «вопрос права» - нарушены принципы ст. 302 УПК РФ.

3. Запрет проверки оценки доказательств в кассационной инстанции не абсолютен (п. 10 ППВС № 2 2014 г.)

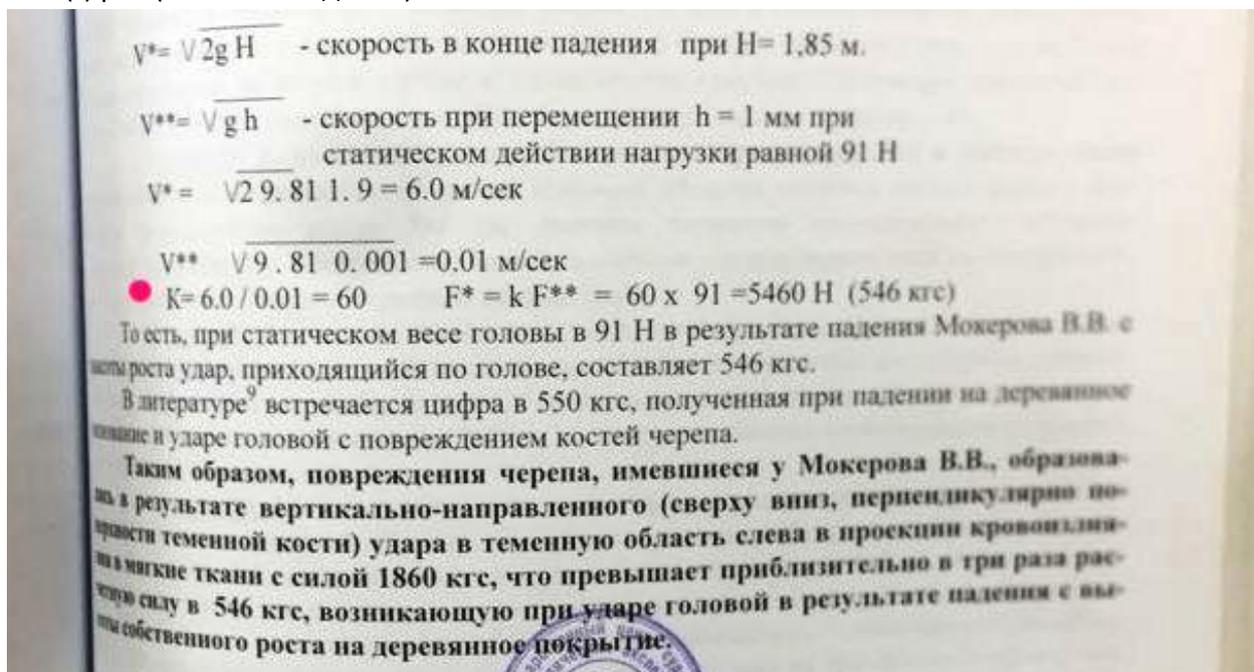
Выполненные на 10 лет СМЭ примерно поровну распадаются на «оправдательные» и «обвинительные». Суд не уяснил, и не дал оценки тому факту, что во всех без исключения «обвинительных» СМЭ их якобы категорические выводы основаны на резко ограничительных условиях первоначального (до падения) положения тела Макерова, которое (положение тела до падения) следствию и суду совершенно неизвестно, т.к. падения никто не видел, и никто соответственно об этом не показывал. Как показано выше это так же не «вопрос факта», а «вопрос права». Эксперты не имели юридических оснований выносить свои категорические суждения, предполагая (придумывая) самим себе исходные данные, которых не имело место в Постановлениях о назначении экспертиз.

Более того, они не только придумывали себе сами исходные данные, но иногда пытались придать им подобие наукообразности, устраивая настоящие следственные эксперименты без следователя и понятых. Выдумали персонально для себя новую форму сбора доказательств «экспертный эксперимент». Тем самым грубо нарушены правила гл. 27 УПК РФ и ст.302 УК РФ.(см. подробно разд. 3).

Все обвинительные экспертизы СМЭ основаны на предположениях, на произвольном не вытекающем из постановления о назначении экспертиз предположении экспертов о вертикальном и неподвижном положении тела умершего и его падении строго плашмя (!) (весьма странное предположение для сильно пьяного человека, встающего с низкой кровати. Умерший и упал-то от того, как считают эксперты-«оправдатели», что не достиг вертикального положения и его «бросило» на стену). Во всех «обвинительных» экспертизах в исследовательской части указано, что категорические обвинительные выводы имеют место только при строго определенных условиях, а при другом положении тела они недействительны. Это же показали сами эксперты-«обвинители» и в допросах в суде.

А вот эксперты-«оправдатели» рассматривают только имеющие исходные данные из постановлений о назначении экспертиз и наоборот считают, что все найденные В ГОЛОВЕ умершего повреждения мозга (**НА** голове никаких повреждений нет!) вполне могли произойти, если пьяный вставая с кровати, шатаясь с ускорением сделал шаг вперед и только потом упал сначала о стену, потом об пол, вполне может быть и о кровать. Таких разумных предположений СМЭ **достаточно ДЛЯ ОПРАВДАНИЯ** лица, обвинение которого построено «от противного».

Более того, в свои произвольно-«модельные» расчеты и исследования врачи-эксперты-«обвинители», не имеющие математического образования, включили в свою «использованную литературу» математические труды, явно выйдя за пределы своей специальности. Поэтому в суде в расчетах обнаружилось арифметическая ошибка в 10 (!) раз (Фото т. 6 л.д. 179)

На фото явно видна грубая математическая ошибка перед самым категорическим выводом (на фото адвокатом отмечена кружком – см. нижняя строка расчетов):

$K=6.0/0.01 = 60$. Но правильно-то = 600! (подробно см. разд. 3).

Соответственно «категорические» выводы экспертизы суд обязан был подкорректировать: удар по голове, **якобы имевший место, по исправленным расчетам оказался не в 3 раза сильнее, чем при обычном падении (на этом и основано исключение варианта самостоятельного падения!), а более чем в 3 раза слабее!!!** Эта СМЭ – недопустимое доказательство!

В деле есть целые оправдательные СМЭ и «особые мнения» экспертов-«оправдателей», которые вообще не считают, что имеет место прямая причинно-следственная связь между черепно-мозговой травмой и смертью.

Эксперты-оправдатели сделали заключения различной степени категоричности (варианты):

- (1) ППСС между травмами и смертью связь невозможно установить,
- (2) что умерший вовсе умер не от ЧМТ, а от состояния, возникшего ввиду приема умершим колоссального количества алкоголя вместе в лекарством «Варфарин».

Сочетание согласно медицинской практике само по себе приводящее к смерти в 2% случаев,

(3) что смерть наступила ввиду одновременного сочетания 3 причин: соматические болезни, ЧМТ, алкоголь с «Варфарином». И потому при «своевременном врачебном пособии» смерть бы не наступила вовсе. «Скорая» приехала не скоро, супруга успела приехать и сбегать в ближайшую Боткинскую больницу за врачами, но они не пришли. Бесспорно, по делу возникают неустранимые сомнения, но суд устранил «неустранимые сомнения», чем нарушил закон - ч. 3 ст. 14 УПК РФ, в том числе ошибочно исключив из рассмотрения главную оправдательную экспертизу с Алтая (см. подробно разд. 3)

Суд «критически» отнесся именно к обобщающей и исчерпывающей, к самой оправдательной экспертизе проведенной на Алтае. При этом суд пришел к такому выводу не по личному убеждению, что было бы затруднительно опровергать в кассации, а на основании заключения некоего «специалиста» Аулова.

Из приговора: «...согласно заключению специалиста в области судебной медицины Аулова от 23 мая 2011 года, которая была исследована в суде, данная экспертиза (оправдательная – прим.адвоката) проведена с нарушениями требований ст.204 УПК РФ, ст.8, 25 Федерального закона №73-ФЗ от 31 мая 2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а именно: отсутствуют сведения об образовании и специальности всех членов экспертной комиссии...». Среди них согласно тексту экспертизы 3 заслуженных врача РФ, 5 профессоров, но суд разбираться не стал, транслировав ошибки Аулова в приговор.

Даже из текста приговора видно, что никому не известный рядовой врач Аулов, абсолютного голословно «опровергнувший» на нескольких страничках сто-страничные оправдательные выводы двух заведующих кафедрами судебно-медицинской экспертизы, крупнейшим специалистов именно по переломам черепа и «варфарину» явно вышел за пределы своей медицинской специальности, ссылаясь в своих выводах на УПК РФ, а суд на основании этого недопустимого доказательства отверг подробнейшую экспертизу 2011 года, поскольку иным образом устранить неустранимые противоречия между этой оправдательной экспертизой и обвинительными экспертизами, легко опровергаемыми в суде при малейшем публичном анализе, было невозможно.

Важно отметить, что единственный эксперт, который лично видел труп, не считавшийся в момент погребения криминальным, является эксперт-патологоанатом. Он и сегодня категорически против обвинительных домыслов, основанных на материалах его же вскрытия и придерживается оправдательной позиции. Труп вдруг стал «криминальным» исключительно по косвенным признакам через несколько лет после погребения и без эксгумации, против которой возражала как раз сторона обвинения. Кроме того, суд привел в приговоре не все экспертизы имеющие в деле, что также процессуальное нарушение, говорящее о том, что суд их просто не уяснял.

Из приговора, резюме суда по всем экспертизам:

«По делу были проведены многочисленные экспертизы, согласно выводов экспертов установлено, что закрытая черепно-мозговая травма, повлекшая смерть Мокерова, образовалась в результате нескольких ударных воздействий, следующих один за другим (падал и бился о стену, пол, кровать... - прим.адвоката), то есть повреждения головы причинены не одновременно, при этом повреждения у погибшего Мокерова располагались в различных анатомических областях (что и характерно для такого падения – прим.адвоката). Ряд экспертов также пришли к выводу, что указанная травма при самопроизвольном падении Мокерова из положения стоя исключается». Вот оно предположение о неизвестном по материалам дела начальном положении - в самом приговоре!

Вчитаемся в первую фразу. Да, большинство, но далеко не все эксперты, связывают смерть с травмой головы. Из тех, кто связывает, половина считает, что умерший, падая вполне самостоятельно, последовательно бился о стену или предметы обстановки, а потом об пол. Да, половина СМЭ считает, что умершего толкнули. Их мнение и приводит суд во втором предложении. Но суд сам пишет, что их мнение ограничивается ничем не подтвержденным - «из положения стоя» (причем суд забыл дописать из СМЭ и допросов экспертов – не двигаясь!).

Получается, «оправдатели» описывают «общий» ничем не ограниченный случай, исходя из материалов дела, где нет никакой конкретики, а «обвинители» - предполагают частный – маловероятный для пьяного, встававшего с постели, случай. Это ошибка не в оценке доказательств, в котором суд свободен, а в уяснении самих доказательств. Незаконность приговора, кроме вышеназванных оснований состоит в частности в том, что суд не уяснил существа доказательств, не понял, что все «обвинительные» экспертизы – суть доказательства, не отвечающие признаку относимости, и полученные с существенным нарушением закона, запрещающего экспертам придумывать себе исходные данные и тем более их добывать в собственных «экспериментах» приговор, основанный на доказательствах, выведенных из предположений, в силу формальной логики так же основан на предположениях. Нарушен закон требования ст.75 УПК РФ, гл.27 УПК РФ, ст.302 УПК РФ.

Все вышеизложенное в отношении СМЭ и других обстоятельств происшествия далее в настоящей жалобе изложено в разд. 3 подробно с фотографиями фрагментов особо иллюстративных листов дела и ссылками на листы уголовного дела.

На осужденном и в квартире согласно протоколам осмотра не было следов борьбы или следов крови. Он сам сообщил о происшествии. Прибывшие наряды милиции (2006г.!), «Скорой помощи» и супруга действующего в то время министра МВД, которая первая прибыла к месту происшествия с офицером милиции, не увидели ничего криминального, хотя на поиски побоев в таких случаях эти лица профессионально «заточены». В протоколах специально указано, что ни следов борьбы, ни следов крови нигде нет.

Повреждения ребер умершего соответствуют обычным повреждениям от исполнения «искусственного дыхания» и у всех до единого экспертов никак со смертью не связаны. Более того, грудная клетка и ребра умершего были до этого разрезаны при

перенесенной умершим незадолго до смерти операции на открытом сердце. А в приговоре при избрании меры наказания ошибочно описаны десятки ударов, якобы все вместе повлекшие смерть. Отсюда и незаконная строгость приговора. Суд апелляционной инстанции отказался исследовать ошибочные СМЭ, несмотря на ходатайство защиты. И пригрозил адвокату А.Куприянову, особо настаивавшему на этом и несколько раз пытавшемуся самовольно показать суду фото страниц дела и продемонстрировать особо ошибочные места обвинительных СМЭ, «частным определением» за строптивость (см. протокол).

Все вышеназванные дефекты «обвинительных» СМЭ и приговора явно относящиеся исключительно к «вопросам права» бесспорно повлияли на решение по делу, поскольку при исправлении любого из них (даже только одного!) дело подлежит прекращению.

4. Даже в том случае, если суд признал причастность осужденного к смерти Макерова (на следствии сторона обвинения озвучивала версию, что осужденный якобы умершего один раз толкнул, чтобы предотвратить выход голым и пьяным к ребенку), в части умысла на совершение преступления в приговоре имеет место запрещенное «объективное вменение». Нарушена ч.2 ст.5 УК РФ.

При отрицании защитой самого события преступления. Казало бы бессмысленно говорить об умысле, но поскольку речь в кассационной жалобе идет о нарушении закона, защита не может пройти мимо необходимости говорить об отсутствии умысла и о личности подзащитного.

Суд, описывая умысел Каратаева, должен был бы написать: «Каратаев, имея умысел на неизбежную потерю выгодной для него работы, на оставление без средств к существованию двух маленьких детей и на заключение под стражу, совершил...».

Каратаев признан СПЭ психически здоровым с неизменной психологической картиной личности. А у здорового человека из крестьян, уравновешенного персонального водителя, материальные блага (кроме всего прочего умерший, баснословно богатый человек, собирался в ближайшее время купить осужденному, проживавшему в далекой деревне, квартиру на всю семью!) всегда перевесят любое внезапное спонтанное желание своего благодетеля покалечить, да и само желание вряд ли возникнет. Однако умысел-то судом выстраивается не на побори, а сразу, минуя две ступени, на «тяжкий вред». Суд не проводит обязательной дифференцировки вины, не ставит вопрос, почему умысел на «тяжкий», а не на смежный «средний»? Имеет место бездоказательное «объективное вменение». Запрещенное «объективное вменение». Более подробно об ошибках суда по составу преступления - см. далее. Суд апелляционной инстанции не исправил суд 1 инстанции.

Суд никак не аргументировал, почему он пришел к заключению именно об умысле по ст.111 УК РФ, а сомнений, которые должны толковаться в пользу обвиняемого между умыслом и тяжестью вмененного при описанных в деле обстоятельствах, бесспорно, имеют место и сейчас исходя из приговора. Суд ни в 1-ой инстанции, ни в апелляционной не смог устранить сомнения по поводу умысла, поскольку они относятся к категории неустраняемых сомнений. Нарушен закон - ч. 3 ст. 14 УПК РФ.

5. Судом нарушен «принцип справедливости» при назначении наказания (и это еще оно нарушение закона никак не связанное с позицией защиты об отсутствии события преступления). И это тоже в данном деле вовсе не «вопрос факта», не переоценка конкретных обстоятельств установленных судами двух инстанций. Это общая для всех несправедливостей аналогичного «рода» при назначении наказания, т.е. значит именно «вопрос права».

Одна из основных причин выбора судом наказания в виде лишения свободы, как известно, состоит не в мести за содеянное, а в том, чтобы защитить общество от продолжения осужденным преступной деятельности. Заметим, что российский уголовный закон отказывается от наказания преступников по истечении сроков давности ввиду признания того, что если обвиняемый в течение длительного времени не совершал нового преступления, то считается, что любой из преступников уже исправился и стал неопасен, а для мести в нашем праве места нет.

Срок давности по вмененному преступлению уже прошел НА ТРИ ЧЕТВЕРТИ. Если бы суд, например, переквалифицировал умысел на причинение вреда средней тяжести, то он бы и вовсе истек. Санкция вмененной статьи не имеет нижней границы. Середина 7.5 лет. Отягчающих наказание обстоятельств нет.

Более того, в приговоре имеет место следующее утверждение, получается так же учтенное при назначении наказания: (основная версия, что осужденный толкал умершего), но «НЕ ИСКЛЮЧЕН» (так в приговоре!) такой механизм их возникновения (повреждений) как удары руками и ногами. Значит этому ничем не подтвержденному предположению суд ошибочно придал значение обстоятельства, влияющего размер наказания.

Значит, как минимум, **суд при назначении наказания неоднократно не учел требований ч. 3 ст. 60 УПК РФ – закон нарушен.**

Непризнание вины Каратаевым так же само по себе не может характеризовать его личность с негативной стороны и считаться фактором отягчающим наказание. Невинному очень трудно, почти невозможно, оговорить себя. Именно ввиду возможного стимулирование ложными признаниями количества судебных ошибок доктрина российского уголовного права не ввела признание вины в качестве значимого для наказания обстоятельства, в отличии от США.

Таким образом, по характеристике личности осужденного по делу не добыто юридически значимых для назначения наказания негативных сведений в отношении осужденного. Приговор незаконно суров – это месть в угоду богатейшей матери умершего, при том, что бедная жена умершего просила осужденного оправдать.

Суд ошибочно придал значение отягчающего наказание обстоятельства инциденту с Позур 2009 года. Хотя защита уверена, что это было инсценировкой противной стороны, якобы осужденный нанес побои соседу по деревне, о чем тот заявил участковому (маргинальный элемент Позур никогда бы не пошел к участковому по собственной инициативе!), однако имел ли место названный инцидент или это провокация противной стороны для определения размера наказания не важно! ЛЮБЫЕ СВЕДЕНИЯ О СОВЕРШЕНИИ ПОДСУДИМЫМ ИНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ МОГУТ УЧИТЫВАТЬСЯ СУДОМ ТОЛЬКО ПО СПЕЦИАЛЬНЫМ ПРАВИЛАМ УПК РФ О СЛОЖЕНИИ НАКАЗАНИЙ, А НЕ ПО «ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЛИЧНОСТИ», КАК ОБЖАЛУЕМОМ ПРИГОВОРЕ.

С процессуальной точки зрения учет этого заявления именно при установлении сурового наказания - ошибка суда, поскольку приговора суда по эпизоду с Позуром нет, а срок давности истек 6 лет назад. Подробно см.далее.

Представитель ПОТЕРПЕВШЕЙ **И.Маковой (последовательно заявляющей о невинности (!!!) осужденного)** в судебном заседании суда 1 инстанции пытался выяснять подробности этого якобы имевшего место инцидента, однако судья отводил вопросы со ссылкой на то, что этот инцидент не имеет отношения к рассматриваемому делу (и правильно поступал!), однако в приговоре 1-ой инстанции **ссылка на якобы избиение Позура приведена именно для обоснования размера наказания.** Грубейшая процессуальная ошибка!

Выше описаны лишь важнейшие признаки незаконности обжалуемого приговора суда 1 инстанции. Апелляционное определение обжалуется ввиду того, что суд не исправил ошибки суда 1 инстанции, хотя имел полную возможность и обязанность это сделать, чем нарушил закон – ст. 389.15 УПК РФ.

Раздел № 3. Иллюстрации и подробности к ошибкам судов, изложенным в разделе № 2 и № 4 настоящей жалобы.

Приведены цитаты из приговора, наименования документов и фотографии фрагментов листов дела, детализирующие вышеизложенное.

Для иллюстрации и убедительности оправдательных СМЭ приведу фамилии нескольких экспертов давших оправдывающие осужденного заключения (самых маститых из многих), т.к. далее в разд. 3 в основном будут показаны обвинительные СМЭ и их грубые ошибки.

Эксперты - категорические «оправдатели» (только москвичи, без экспертов с Алтая):

ЖАРОВ В.В. начальник Бюро СМЭ ДЗ города Москвы, судебно-медицинский эксперт высшей квалификационной категории, Заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, профессор, стаж работы по специальности свыше 40 лет;

Алисиевич В.И. профессор кафедры судебной медицины ГОУ ВПО «Российский университет дружбы Народов», доктор медицинских наук, Заслуженный деятель науки РФ, судебно-медицинский эксперт (высшая квалификационная категория, стаж работы по специальности свыше 50 лет)

Буров Н.Е. профессор кафедры анестезиологии и реаниматологии ГОУ дополнительного профессионального образования «Российская медицинская академия последипломного образования «(ГОУ ДПО РМАПО), доктор медицинских наук, Заслуженный деятель науки РФ;

Лаптева М.И. и.о. зав. Судебно-гистологическим отделением Бюро СМЭ ДЗ города Москвы, судебно-медицинского эксперт высшей квалификационной категории со стажем работы по специальности более 20 лет;

Максимова И.Г. судебно-медицинский эксперт гистологического отделения Бюро СМЭ ДЗ города Москвы, высшая квалификационная категория, стаж работы по специальности более 30 лет, кандидат медицинских наук;

Ковешников В.Л. зав. отделом комиссионных экспертиз Бюро СМЭ ДЗ города Москвы, судебно-медицинский эксперт высшей квалификационной категории, стаж работы по специальности свыше 10 лет;

Сиротинская Ф.З. судебно-медицинский эксперт Бюро СМЭ ДЗ города Москвы (высшая квалификационная категория, стаж работы по специальности свыше 45 лет)(т.3,л.д.136)

Ошибки судов вызваны в частности следующим.

Принципиально не вызывались в суд свидетели, показывающие в пользу обвиняемого (**в деле нет сведений о повестках - повестки свидетелями ни разу не направлялись**), в частности важные:

1. Петров Андрей Владимирович
2. **Нургалиева Маргарита Евгеньевна**
3. Фетисов Александр Владимирович
4. Каратаева Светлана Николаевна
5. Баласанян Офсеп Степанович

Эксперты вызывались только те, которые сделали выводы в пользу обвинения. Не вызван даже патологоанатом.

Не устранены противоречия между СМЭ, значительная часть которых установила естественную смерть потерпевшего. Медицина - не точная наука, если одни уважаемые эксперты – целый десяток из разных учреждений и городов(!) - профессора и доктора наук категорически не видят прямой причинной связи между травмами и смертью, а сами травмы считают полученными при самостоятельном падении пьяного, то мнение нескольких других экспертов не может первое мнение достоверно опровергнуть. Мнение против мнения.

Один профессор говорит: «Такое расхождение швов черепа от простого падения не могло возникнуть... Толкнули его..», а другой: «Бросьте, коллега, сколько хотите таких случаев от падения!» Целая диссертация в Интернете висит о том, что от идентичного удара разные черепа как угодно раскалываются и наоборот одни и те же повреждения возникают от разных причин.

Ввиду полной палитры различных мнений экспертов по настоящему делу возникают неустраняемые сомнения (нарушен закон - ч. 3 ст. 14 УПК РФ):

- (1) о прямой причинно-следственной связи между травмами и смертью (значительная часть экспертов ее отрицают),
- (2) о причинах самих травм, т.е. о причинении их умершим самому себе или действиями третьего лица (мнения разделились почти пополам),
- (3) о количестве травматических воздействий (высказаны предположения от 1 до 4).

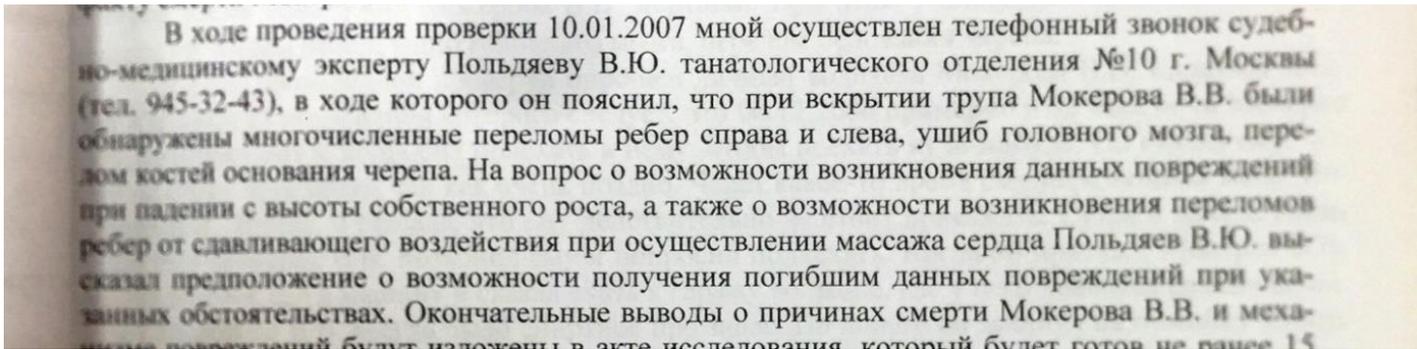
Эти сомнения, налагаясь друг на друга, взаимно усиливаются.

Суд на основании ст. 14 УПК РФ должен был бы истолковать их все в пользу подсудимого. Суды устранились от выяснения этого противоречия.

Вот с какого оправдывающего доказательства стартовало следствие

Рапорт следователя еще прокуратуры (так давно это было!) в ходе проверки.

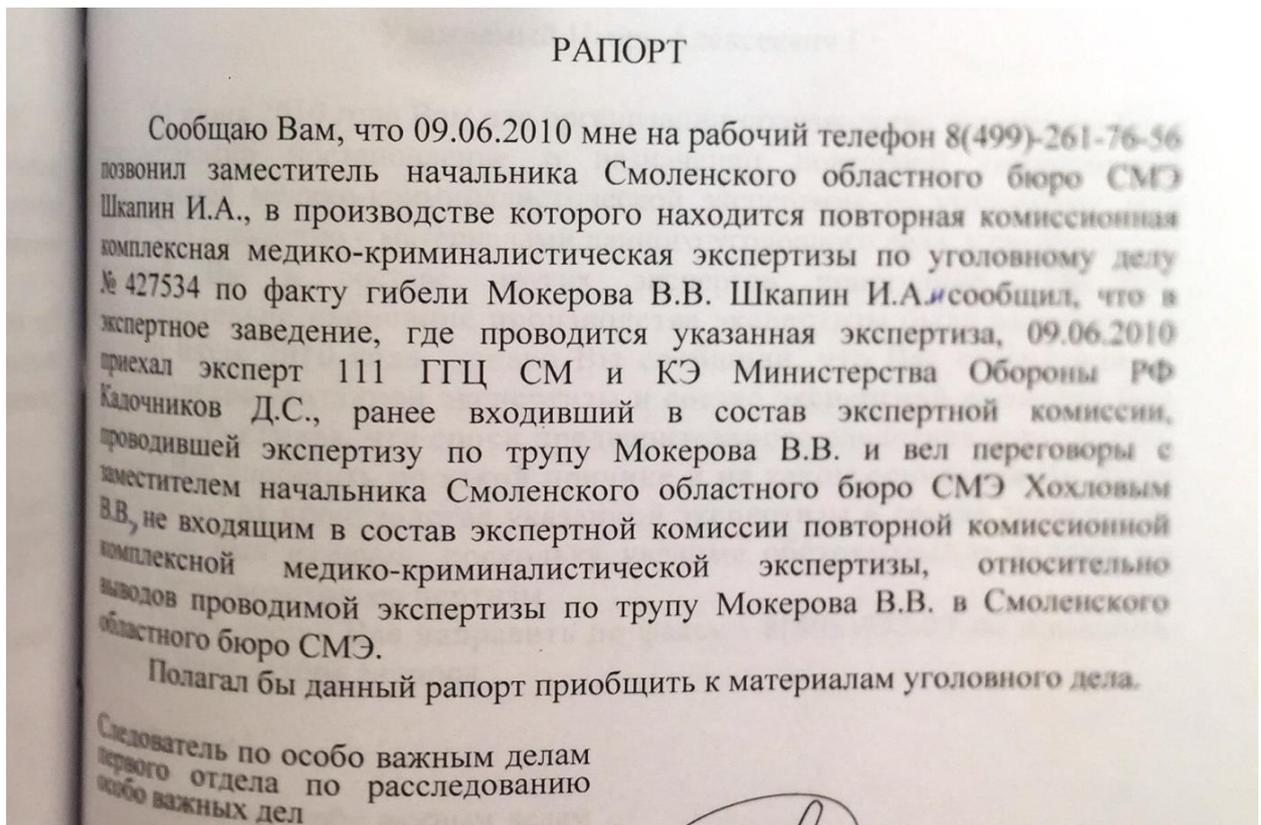
т. 1 л.д. 29.

Патологоанатом Пельдяев единственный врач-эксперт, который видел труп (прямое доказательство). А все соображения нескольких экспертов-обвинителей, от которых мы в зале судебного заседания МГС не оставим камня на камне, не более, чем сомнительные косвенные доказательства.

И вот убедитесь, почему защита полагает, что нельзя доверять военным экспертам-обвинителям и всем последующим экспертам, ссылающимся на них:

Т.7 л.д. 268

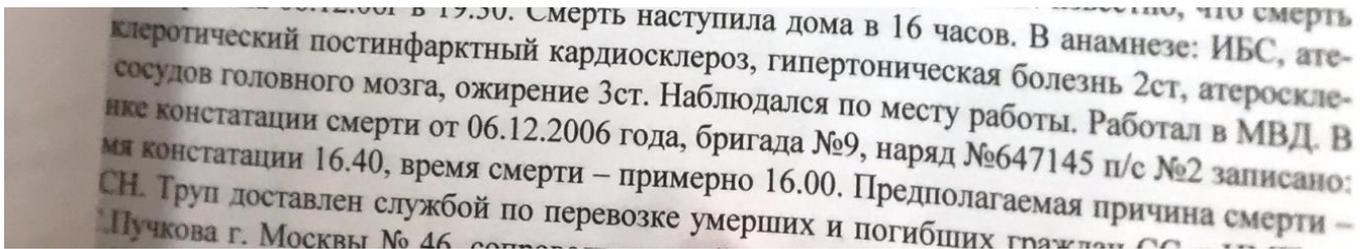

После этого разговора смоленская экспертиза вдруг передумала и новая экспертиза оказалась плохой копией экспертизы военных врачей, со всеми их **арифметическими ошибками в расчетах**. Почему описано в допросе свидетеля - эксперта из Смоленска Шкапина (Т.7 л.д. 346-349). Явная коррупция.

УМЕРШИЙ – БЫЛ ТЯЖЕЛО БОЛЬНОМ ЧЕЛОВЕКОМ.

Это самое краткое описание болезней умершего из всех остальных экспертиз.

Т. 1 л.д. 140. Из СМЭ № 1.

Ишемическая болезнь сердца, повлекла серьезнейшую операцию на сердце – операцию установки искусственного клапана сердца (в других экспертизах расписано поподробнее), постинфарктный (после инфаркта) кардиосклероз, гипертония и главное – **ожирение 3 степени**³, ранний атеросклероз сосудов головного мозга, стационарно лечился от алкоголизма (см.свидетельские показания). Умерший всем говорил, что когда-то якобы работал в МВД (см. допрос участкового). Он никогда не работал в МВД,

В крови трупа обнаружено запредельное содержание алкоголя 4.6 промилле.

Очевидцев смерти и возникновения повреждений у умершего Мокерова нет.

НО В ДЕЛЕ ЕСТЬ НЕМАЛО ЭКСПЕРТОВ И ЦЕЛЫХ ЭКСПЕРТИЗ, КОТОРЫЕ СЧИТАЮТ, ЧТО ТРАВМА ГОЛОВЫ ПОЛУЧЕНА ОТ ЕДИНСТВЕННОГО ПАДЕНИЯ С ВЫСОТЫ СОБСТВЕННОГО РОСТА ПЬЯНЫМ (ДОКАЗАНО 4.6‰!!!) ЧЕЛОВЕКОМ ВЕСОМ БОЛЕЕ 135 КГ (3 СТЕПЕНЬ ОЖИРЕНИЯ).

Места еще двух мифических ударов, кроме бесспорного удара от падения навзничь якобы точно установлены частью судмедэкспертов-обвинителей, а другими экспертами-оправдателями **категорически** опровергнуты, так как по внутренним повреждениям головного мозга при полном отсутствии внешних ссадин утверждать про эти удары невозможно, и тем более нельзя строить только на этом весь приговор.

В деле нет никаких показаний очевидцев или иных доказательств самого факта нападения именно Каратаева на умершего Мокерова, с таким же успехом это мог быть кто угодно (отсутствие третьих лиц в квартире не проверено и доказано!). Каратаев просто первым подошел к умирающему или умершему, и, делая искусственное дыхание, переломал ему ребра, прилегающие к месту надавливания (так всегда и бывает, пишут эксперты!). Тем более, грудная клетка и ребра были ослаблены операцией на открытом сердце. Вот факту этого подхода Каратаева к лежащему Макову очевидец есть - няня Насибулина.

На самом деле никакого нападения не имело места вообще, было пьяное падение очень крупного человека.

НЕ БЫЛО СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

³ Ожирение 3 степень. Масса тела превышает нормальные показатели на 50% и более. Ожирение переносится тяжело, человек страдает от одышки, плохо переносит физические нагрузки. Возникают осложнения — артроз суставов, инсульты, инфаркты. Подробнее: <http://domadoktor.ru/600-ozhirenie.html>

Вот, что показывают прибывшие к месту смерти Мокерова милиционеры (еще милиционеры – так давно это было).

Показания сотрудника МВД Слепнева (Из приговора): *«В ходе осмотра на трупе было обнаружено два ярко выраженных кровоподтека темно-сине-бурого цвета: на грудной клетке ниже сосков и на ребрах, ближе к бокам - несколько небольших синяков. Лицо у Мокерова тоже было потемневшее. Видимых повреждений на теле Мокерова Слепнев не видел, в области губ потерпевшего была кровь, которая шла изо рта. На полу спальни комнаты, стенах и предметах мебели следов крови видно не было, как и во всей квартире. В спальне комнате, где лежал труп, ничего подозрительного не было, вещи стояли на своих местах, каких-либо следов борьбы, подозрительных вещей в комнате не было. Все предметы в комнате были целы, повреждений на стенах и предметах интерьера видно не было. После осмотра квартиры и трупа, ввиду отсутствия признаков насильственной смерти Мокерова, следственно-оперативную группу было решено не вызывать. Смирнов составил протокол осмотра трупа с участием понятых (Приговор, л.5).*

Из приговора (показания сотрудника МВД Волнистова – повторяет показания Смирнова) и показывает: «Никаких следов борьбы, сдвинутой или разбитой мебели, брызг или потеков крови в комнате не было. На постели лежало откиннутое одеяло, было видно, что на постели кто-то лежал. Следов крови на постельном белье он не видел.» (Приговор, л.5).

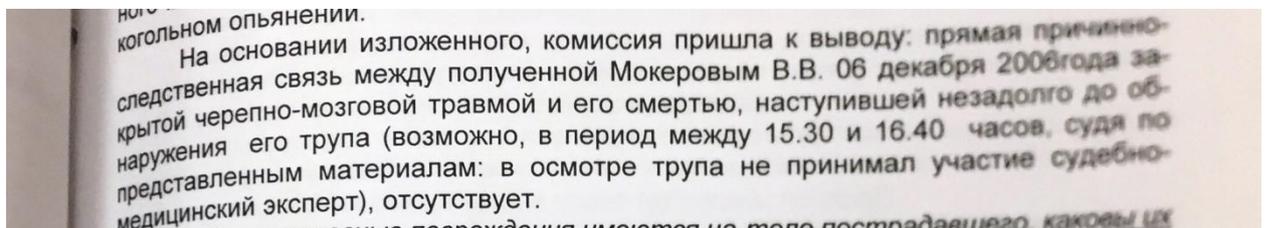
Кровоподтеки синего цвета – это, как видно из СМЭ, кровоизлияния со сроком более суток к моменту смерти! Десятки кровоподтеков на теле из-за лекарства Варфарин имели срок до 7 (что подтвердили и экспертизы)⁴. А если невнимательно почитать приговор, то можно подумать, что они все возникли при некоем избиении.

Не заметили ничего криминального и врачи прибывшего наряда «Скорой помощи», хотя все врачи «скорой» - большие специалисты по избиениям.

Попутно заметим, что суд ошибочно записал все явно оправдательные показания свидетелей и судмедэкспертов, в раздел доказательств, **якобы подтверждающих обвинение.**

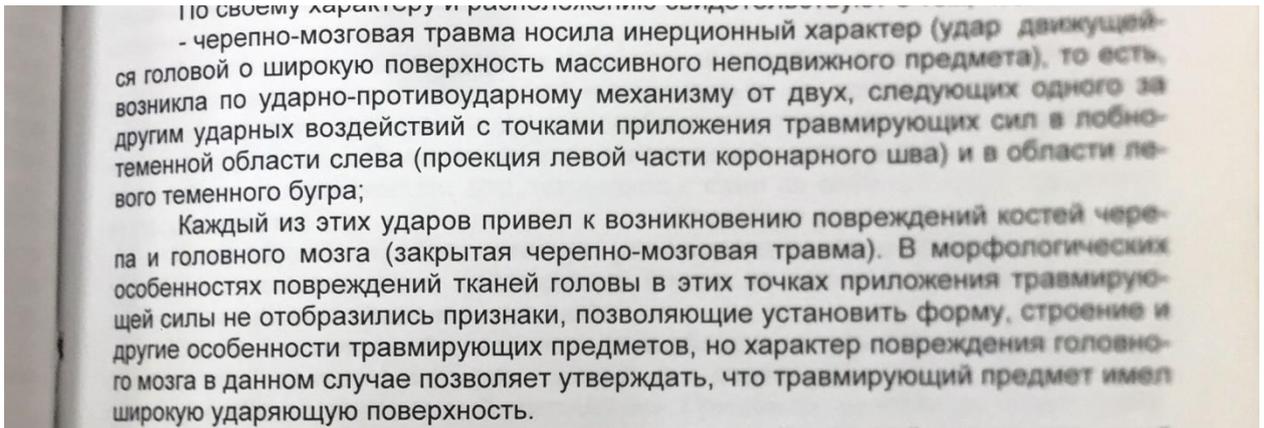
Типичные выводы СМЭ:

СМЭ т. 3 Л.д. 163

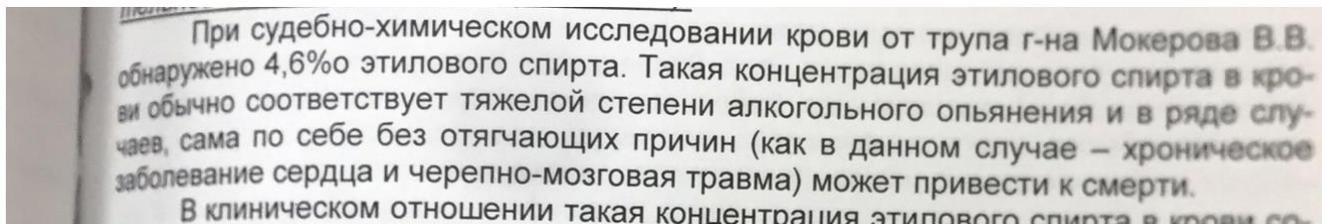

⁴http://forensicmedicine.ru/wiki/%D0%9A%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%82%D0%B5%D0%BA#.D0.94.D0.B0.D0.B2.D0.BD.D0.BE.D1.81.D1.82.D1.8C_.D0.BA.D1.80.D0.BE.D0.B2.D0.BE.D0.BF.D0.B4.D1.82.D0.B5.D0.BA.D0.BE.D0.B2

Т.3 Л.д. 164

Т.3 Л.д. 168

Еще, пример, из приговора показания судмедэксперта проф. Ромодановского (из приговора): «... пришел к выводу, что причиной смерти Мокерова явилась закрытая черепно-мозговая травма, осложнившаяся отеком головного мозга. Сопутствующими факторами при этом являлись алкогольное опьянение тяжелой степени, а также хроническое заболевание сердца, что способствовало прогрессирующему отеку головного мозга, приведшему к смерти. В связи с этим, ... **прямая причинная связь между закрытой черепно-мозговой травмой и наступлением смерти прослежена быть не может.**».(Приговор, л.14).

Кровоизлияния (внутренние) в височных областях - это то единственное, что якобы указывает некоторым экспертам на те мифические два удара, которые были нанесены неизвестно чем и неизвестно кем после падения тела с высоты собственного роста. Не удивительно, что уголовное дело сначала многократно не возбуждалось, а затем многократно прекращалось.

- показаниями эксперта Ковешникова (из приговора): «...установлено, что он входил в состав комиссионной судебно-медицинской экспертизы N2260к/09 от 31 июля 2007 года Бюро СМЭ ДЗ г. Москвы. Данный эксперт подтвердил выводы указанной экспертизы, указав, что наступление смерти Мокерова обусловлено, в том числе **резвившейся сердечной недостаточностью, ЧТО ОБОСНОВАНО ЗАПРЕДЕЛЬНЫМ УВЕЛИЧЕНИЕМ РАЗМЕРОВ И ВЕСА СЕРДЦА, степенью кровенаполнения органов, ЯВЛЕНИЯМИ ОТЕКА ЛЕГКИХ, ПЕЧЕНИ, ПОДЖЕЛУДОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ.** Сердечная недостаточность у Мокерова была до получения закрытой черепно-мозговой травмы. Сочетание имевшейся сердечной недостаточности с тяжелым алкогольным опьянением (4.6 промилле – прим. адвоката) привела к ее декомпенсации, в этот же момент возникла закрытая черепно-мозговая травма, и все три фактора обусловили смерть Мокерова. **Кровоизлияния в субдуральном**

*пространстве имели место по всем поверхностям полушарий. Эти кровоизлияния составили комплекс черепно-мозговой травмы, и не являются следствием травматических воздействий «в передних отделах» височных областей, так как они не составляют комплекс инерционной черепно-мозговой травмы (иначе говоря, этот эксперт обоснованно считает, что Мокеров всего один раз упал и ударился затылком, а спереди его никто больше не бил, и умер Мокеров вообще не от травм – прим. адвоката). ... Повреждения ребер Мокерова возникли в результате общей дифференции грудной клетки, в результате сдавления груди спереди назад во время проведения непрямого массажа сердца, с приложением силы на уровне 5-го ребра слева от грудины при случайной атипичной) укладке больного; непрямым массаж сердца проводился неподготовленным для этого человеком (Каратаевым – прим. адвоката). Данный вывод был сделан на основании детального анализа характера перелома ребер и мягких тканей груди Мокерова. При этом обнаруженные в мягких тканях груди кровоизлияния различной давности (от 1,5 суток до 2-х недель) оценены с учетом постоянного применения Мокеровым лекарственного средства «Варфарин». ...Одновременное нахождение в организме алкоголя и лекарственного средства «Варфарин» **во много раз усиливает действие указанного препарата**. Это означает, что способность крови свертываться подавляется и выход крови из сосудистого русла (образование кровоподтеков) значительно облегчается». (Приговор, л.14).*

Эти свойства «Варфарина» подтверждают все источники⁵. В тяжелых случаях сам по себе «Варфарин» может быть причиной смерти⁶⁷.

При приеме «Варфарина» невозможно строго установить причинную связь между любым физическим воздействием и смертью. В странах ЕС лица, принимающие подобные препараты, имеют с собой так называемый «красный паспорт». По предъявлении «красного паспорта» полицейские обязаны при любом недомогании немедленно вызвать «скорую», а врачи - госпитализировать.

Однако некоторые другие эксперты по делу отказываются учитывать воздействие «Варфарина», необоснованно **ПРЕДПОЛАГАЯ**, что в данном случае он почему-то не влиял.

Обращаю внимание суда! Во всех до единой экспертизах обвинительного характера перед категорическими обвинительными выводами появляются фразы, фактически их дезавуирующие (из приговора): «...При самопроизвольном падении пострадавшего из положения стоя, например, в сторону - влево или вправо, пострадавший, **КАК ПРАВИЛО**, падает на вытянутую руку, далее плёчо, что **ОБЫЧНО** предохраняет височную область головы от соударения с травмирующим

⁵ <http://womanadvice.ru/varfarin-pobochnye-effekty> Изложение статьи: «Варфарин» вызывает кровоточивость, ввиду которой на теле принимающего его человека постоянно возникают синяки от малейших причин, даже от нажатия пальцем или от удара о край стола (Цитата: Кровоточивость – достаточно часто встречающееся при применении Варфарина побочное явление).

⁶ <http://medside.ru/varfarin> Изложение: В тяжелых случаях сам по себе «Варфарин» может быть причиной смерти.

⁷ <http://varikoznoye.ru/diagnostika-lecheniye-varikoza/medicinskie-preparaty/varfarin-i-alkogol.html> Цитата: Спиртные напитки способны усилить действие лекарства «Варфарин» и приведут к опасным последствиям. Несоблюдение дозировки или же игнорирование противопоказаний, указанных в инструкции к медикаменту, **всегда влекут за собой ряд осложнений**»

предметом...» (Приговор, л.14). И это перед категорическим выводом о том, что спереди головой умерший сам удариться якобы не мог.

И из этих «обычно» и «как правило», содержащихся в исследовательской части, сформированы самые категорические выводы принятые судом, даже не выяснявшим эти противоречия.

И НА ОСНОВАНИИ ТАКИХ ПРИНЦИПИАЛЬНЫХ «НА 180 ГРАДУСОВ» ПРОТИВОРЕЧИЙ, ИМЕВШИХ МЕСТО КАК МЕЖДУ РАЗЛИЧНЫМИ СМЭ, ТАК И ПО ЛИЦАМ ЭКСПЕРТОВ ВНУТРИ СУДМЕДЭКСПЕРТИЗ, БЕЗ НАЛИЧИЯ КАКИХ-ЛИБО ПРЯМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРИЧАСТНОСТИ ОБВИНЯЕМОГО ОСУЖДЕН НЕВИННЫЙ ЧЕЛОВЕК.

А еще есть такие пассажи перед самыми наикатегоричнейшими обвинительными выводами (эксперты люди «тертые»)(все цитаты из приговора):

- «*Вопрос о возможности образования кровоизлияний в правой височной области и кровоизлияние в левой височной области ... в условиях приема потерпевшим лекарственного препарата «Варфарин», в ходе проведения экспертизы не исследовался»* (Приговор, л.16). Это опять же о внутренних кровоизлияниях, по которым якобы точно даже без всяких ссадин и повреждений лица якобы установили, места мифических ударов спереди;

- то-то и то-то (упоминается фактическое оправдывающее Каратаева обстоятельство) «*не является характерным»*... Но ведь и не исключается!;

- «*при условии типичного (профессионального) проведения пособия (искусственного дыхания) (переломы ребер) имеют несколько иную локализацию, чем переломы ребер у Мокерова»* (Приговор, л. л.28, 36). После этого пассажа экспертами сделан категорический вывод о том, что переломы ребер не связаны с проведением искусственного дыхания Каратаевым, но Каратаев не мог проводить «типичного (профессионального...)» искусственного дыхания;

- то-то и то-то (обвинительное) имеет место только «*при условии вертикального положения тела»*. А кто и где доказал, что тело в исследуемый момент было именно в вертикальном положении, а не шаталось, например, не лежало, не сидело, не привставало, чтобы вновь завалиться? В другом месте в исследовательской части эксперт показывает, что его обвинительные расчеты и выводы относятся к случаю, если человек до падения стоял вертикально, а если он шел, то нет!!!

- «*Получить более обоснованный ответ на вопрос о возможности причинения имевшегося у Мокерова комплекса повреждений при падении и ударах о конкретные предметы в конкретной обстановке возможно на основании результатов проведения дополнительного осмотра места происшествия»*. Приговор, л.42. Этот пассаж строго доказывает, что выводы этой обвинительной экспертизы недостаточно обоснованы – предположительны! Место происшествия осмотрели – через 6 лет. И это понятно ничего не дало.

- то-то и то-то «*делает маловероятной возможность совершить после травмы активные действия, том числе «вставать, передвигаться»* Приговор, л.45. **НО ВЕДЬ И НЕ ИСКЛЮЧАЕТ!** Иначе говоря, вся версия этой экспертизы о том, что Мокеров упал, а потом его били, заранее разрушается самими экспертами.

Такие оговорки имеют место во всех до единой обвинительных экспертизах! А вот в оправдательных экспертизах таких «закладок» на случай расследования ошибочных выводов нет.

Суд с этим не разбирался!

В целом по делу суд полностью игнорировал принцип ч. 3 ст. 14 УПК РФ о толковании всех сомнений в пользу подсудимого.

Был произведен даже безобразный следственный эксперимент (не путать с не менее безобразным «экспертным экспериментом» в СМЭ военных врачей). Трезвый молодой статист спортивного телосложения «падал» туда, куда ему показывали. И после падения здорового трезвого статиста (заметим, не профессионального каскадера, а неумелого первого встречного), после падения из очередного частного, но признанного следствием достаточно **ВЕРОЯТНЫМ** положения (всех возможных положений ни придумать, ни исполнить невозможно), экспериментаторы смотрели, каким местом головы статист «приложился». А вернее, статист, конечно, даже и не падал – место его падения и удара рассчитывали приблизительно «на глаз» прикладыванием тела. Прямое нарушение требований статьи 181 УПК РФ. Он проводился не «путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. Так как у события не было очевидцев. Никто не знал, ни откуда умерший упал, ни как падал. Уже одно то, что статист не находился в состоянии опьянения тяжелой степени и не весил 130кг. Исключает всякое доказательственное значение эксперимента.

При эксперименте просто «описывали», и сравнивали, похоже ли это придуманное экспериментаторами место у статиста на то место, где опять же предположительно (в отсутствие ссадин и травм мягких тканей на трупе все предположительно), были внутри черепа у трупа кровоизлияния, которые могли в свою очередь могли быть от травмы, а могли и не быть. И все это без учета действия алкоголя и «Варфарина» (их действием просто пренебрегли!). Не много ли слов «предположительно», «могли быть», «пренебрегли» и проч. для уголовного дела?

Вероятность совпадения условий эксперимента через много-много лет после происшествия, накладывается на вероятность несовпадения придуманных обвинением положений статиста с неизвестными (в отсутствие очевидцев) положениями тела умершего, а при суммировании вероятностей они, всегда, уменьшаются в «квадрате». Но, кроме того, экспериментом вовсе не учитывались болезненное состояние умершего и его опьянение. А движение больных и пьяных... – сами понимаете, отличаются от движений здоровых!

Ну, нельзя же так издеваться над правосудием!

Грош цена этому эксперименту. Он теоретически дает самый маловероятный результат. Против такого эксперимента вопиет вся математика и физика - теория движения! Эксперимент проводился для того, чтобы попытаться доказать недоказуемое - исключить возможность возникновения всех имевших в внутри головы трупа кровоизлияний от естественных падений пьяного больного человека, возможно многократных, с кровати, и из положения сидя, и с высоты собственного роста. При этом обвинением ошибочно презюмировалось получение внутренних кровоизлияний именно в результате мифических ударов без повреждений мягких тканей, а не в

результате прогрессирования соматической патологии, хотя на «безударные» паталогические причины возникновения кровоизлияний в передние части головы указывали выше названные СМЭ.

В самой «обвинительной» СМЭ (военные врачи – 111 ГГЦ СМикЭ Минобороны) имеется и не предусмотренный законом «экспертный эксперимент», т.е. эксперты-врачи провели без следователей и понятых незаконный следственный эксперимент и положили его в основу выводов об избиении.

Судья в самом конце приговора, где суд делает свои выводы из доказательств, суд констатирует, что исключить возникновения всех повреждений умершего от простого падения с высоты собственного роста, на чем настаивает ряд экспертиз, не удалось. (Из приговора):

*«РЯД ЭКСПЕРТОВ **ТАКЖЕ** пришли к выводу, что указанная травма при самопроизвольном падении Мокерова из положения стоя исключается»* (Приговор, л.85).

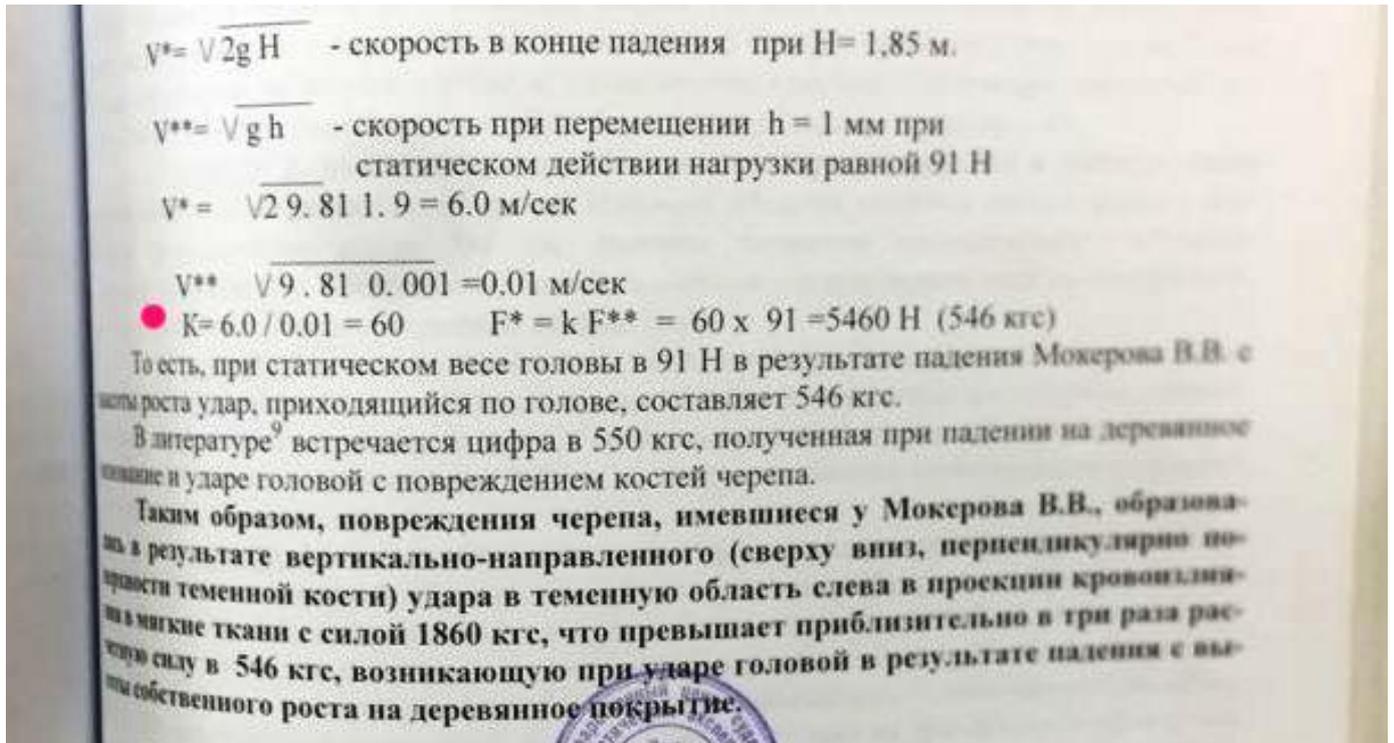
Ряд-то экспертов «пришли...», а остальные отрицают. И это противоречие в медицине в данном случае устранено быть не может!

И кстати, ряд экспертов пришли к заключению, что нет или не может быть установлена причинно-следственная связь связи между самой смертью и травмой, я еще целый ряд экспертов считает, что ударов в переднюю часть головы вовсе не было.

Но об этом судья вообще в выводах приговора умолчал. А это незаконно.

Самые коварные и обвинительные экспертизы содержат математические расчеты из области физики движения «твердого тела» и «сопромата», а не биомеханики, как хотелось бы. Для того, кто понимает, ясно, что эти расчеты абсолютно бездоказательны. И не удивительно, хотя бы потому, что эксперты –врачи. Они ни математиками, ни физиками не являются. А расчеты они приводят посложнее средней школы, хотя **НИКТО ИЗ ЭКСПЕРТОВ НЕ СПОСОБЕН ПРИНЕСТИ ДИПЛОМ ФИЗИКА ИЛИ МАТЕМАТИКА. Они вышли за пределы своей специальности.**

Вот пример:

Фото т. 6 л.д. 179

На фото явно видна грубая математическая ошибка перед самым категорическим выводом (на фото адвокатом отмечена кружком – см. нижняя строка расчетов):

$K=6.0/0.01 = 60$. Но правильно-то = 600!

Судья вполне мог разобраться в этой арифметике.

Но суд принял эти липовые расчеты, похоже просто подогнанные под нужный результат, несмотря на то, что имеют место десятикратные математические ошибки. Более того, в тексте экспертизы есть оговорка, что влияние веса тела (у умершего это 130 кг.!) **НЕ УЧИТЫВАЕТСЯ**, а тело Мокерова (130 кг.!) принимается за **СТЕРЖЕНЬ**, на конце которого находится голова. И еще бесконечное число вынужденных ввиду отсутствия корректных данных ограничений **«для расчетов примем, что...»** (предположение!). Важнейший момент – тип черепа (разные черепа разрушаются по-разному) нигде не описан.

Вот те на!

Это почему же такое упрощенчество? Для уголовного дела не годятся такие расчеты! Мы тут не стержни от шариковых ручек ломаем, а 10 лет лишения свободы для не причастного гражданина России «на кону»!

Уважаемый читатель! Вдумайтесь в написанные на этом фото слова: *«Скорость перемещения при статическом действии нагрузки...»* – физическая галиматья! Это уже не арифметика для врачей – это векторная математика. Где поле векторов? Разве Мокерова тасили куда-то в безвоздушном космическом пространстве без опоры с постоянной скоростью? Нет! Хотя он и назван «стержнем».

И еще заметим, что 10 ньютонов никогда не равны 1 кгс., как это полагает врач. Сам на этой же странице пишет сначала правильную «постоянную», а потом опять снижает точность расчетов. Автор текста, который вы читаете, по первому образованию

- инженер. Специалист по «сопромату». Если исправить расчет по исходным данным самого врача горе-математика, то по его же цифрам получится, что удар был не в 3 раза сильнее, а в 3 раза слабее! На самом деле все расчеты просто подогнаны под нужный результат. Поэтому и ошибка никем не была замечена.

На т. 6 л.д. 178, предшествующему листу на фото выше. Описаны очередные ошибки. Которые очевидны при сравнении с результатами тематической диссертации к.м.н. ПЛАКСИНА ВЛАДИСЛАВА ОЛЕГОВИЧА «СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ОЦЕНКА МЕХАНИЗМОВ МНОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕЛОМОВ СВОДА ЧЕРЕПА ПРИ ТРАВМЕ ТУПЫМИ ПРЕДМЕТАМИ» (спасибо Интернету!). В диссертации показано, что никакое упрощенчество в данном случае недопустимо. Сколь разнообразны черепа и свойства костей, сколь различны «тупые предметы» по площади и форме, настолько все и получается по-разному. Можно ударить в одном месте, а перелом получить совершенно в другом. Это обстоятельство многократно описано в оправдывающих экспертизах.

Среди использованной экспертами-обвинителями литературы названы два учебника по дисциплине «Соппротивление материалов» для сильнейшего ВУЗа страны по этой дисциплине - МВТУ. Но инженерного диплома у врача нет и, употребляя кривь и вкось, «сопромат», эксперт вышел за границу своей специальности.

Поверьте мне-инженеру (адвокат – сам инженер и именно в подходящей к исследованию падений отрасли), изучившему расчеты врача, на слово, в исследовательской части экспертизы нет никаких оснований для вывода эксперта: «Установленный механизм возникновения перелома указывает на... (якобы удар сверху ужасной силы)». Вот ничего там не установлено и ничего ни на что не указывает. Набор наукообразных фраз. Фактически просто очередной раз описаны повреждения черепа из паталогоанатомического исследования и потом вдруг сразу безосновательный вывод. Суду несложно в этом разобраться.

По медицинской стороне данного уголовного дела Каратаева следует оправдать хотя бы в силу еще одного категорически оправдывающего осужденного показания эксперта Крюкова (из приговора): *«Повреждения свода черепа, учитывая его относительно небольшую толщину и форму (мезокефал), является типичным для падения человека на спину и ударом головою (теменно-затылочной областью) о твердое покрытие, например, пол. Это подтверждается еще и наличием базальной поверхности головного мозга, что должно расцениваться, как явление противоудара. Кровоизлияния в мягких тканях груди и переломы ребер по своей локализации ТИПИЧНЫ для производства реанимационных мероприятий (искусственное дыхание), которые могли стать следствием неквалифицированных действий. ... Ускоренному наступлению смерти способствовало тяжелое опьянение (4,6 промилле), и повышенная кровоточивость вследствие приема препарата «Варфарин». Повышенная кровоточивость в области повреждений на голове (в мягком покрове — коже и мышцах, под оболочками мозга, вещество мозга) НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОТПРАВНЫМ ЧЕТКИМ СВИДЕТЕЛЬСТВОМ КОЛИЧЕСТВА ВНЕШНИХ ВОЗДЕЙСТВИЙ, которые (повреждения) могут провоцироваться (возникать – прим. адвоката) за счет самопроизвольных кровоизлияний».* Приговор, л.16.

Эксперт-гематолог (специалист по крови) Момот оправдывающее показал (из приговора): «...установлено, что длительный прием препарата «Варфарин» способен снизить минеральную плотность кости (... **ОДНАКО ИССЛЕДОВАНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ВЫЯВЛЕНИЕ ОСТЕОПОРОЗА И СНИЖЕНИЯ ПРОЧНОСТНЫХ СВОЙСТВ КОСТНОЙ ТКАНИ У МОКЕРОВА В.В., НЕ ПРОВОДИЛОСЬ...**»». Приговор, л.17.

В экспертизе (т.3 л.д.136-170) указано (цитата по приговору): «При судебно-химическом исследовании крови от трупа Мокерова обнаружено 4,6% этилового спирта. Такая концентрация этилового спирта в крови обычно соответствует тяжелой степени алкогольного опьянения и в ряде случаев, **САМА ПО СЕБЕ** без отягощающих причин **МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К СМЕРТИ**».

В деле имеются мнения более 30 экспертов - врачей разных специальностей и ни по одному факту, известному из материалов вскрытия трупа, они не имеют общего мнения.

По каждому факту либо мнения расходятся, либо некоторые эксперты неудобные для обвинительной позиции факты игнорируют – вовсе не оценивают. Но чуть ли не половина экспертов пишет примерно следующее в разных вариантах (из очередной экспертизы (т.3 л.д.171-181) (цитата по приговору): «**НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО, ПРЯМАЯ ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ЧЕРЕПНО-МОЗГОВОЙ ТРАВМОЙ И НАСТУПЛЕНИЕМ СМЕРТИ ПРОСЛЕЖЕНА БЫТЬ НЕ МОЖЕТ**»!!! Приговор, л.29

Эксперты не смогли, а суд – проследил.

Вот, что говорили на похоронах (Показания Юрьева и др. из приговора): «*Он (Юрьев) присутствовал на похоронах Мокерова, где были разговоры о том, что Мокеров, находясь у себя дома в состоянии алкогольного опьянения упал, и в результате падения ударился головой, произошел перелом основания черепа, после чего умер*» Приговор, л.8. (Показания Кузнецова): «... ему известно, что Мокеров **после очередной пьянки** пришел к себе домой и упал, после чего приехавшие врачи скорой медицинской помощи констатировали его смерть» Приговор, л.9.

Мысль о том, что совершено какое-то преступление впервые возникла в голове матери Мокерова. Осуждать мать умершего за такие дикие фантазии невозможно, но и осудить ей в угоду невиновного человека на 10 лет строго режима нельзя.

Важно отметить, что 2 свидетелей исключительно аффилированных с матерью, которые потом под копирку живописали чуть ли не литры крови по всей комнате и тело умершего якобы сплошь покрытое синяками, при осмотре милицией и длительном составлении протокола осмотра милицией уже присутствовали, и против вышеописанного содержания бескровного протокола не возражали! Ни о чем таком они в день происшествия милиции не заявляли. Все подробности для натяжки факта «нападения» возникли в их памяти только через несколько месяцев.

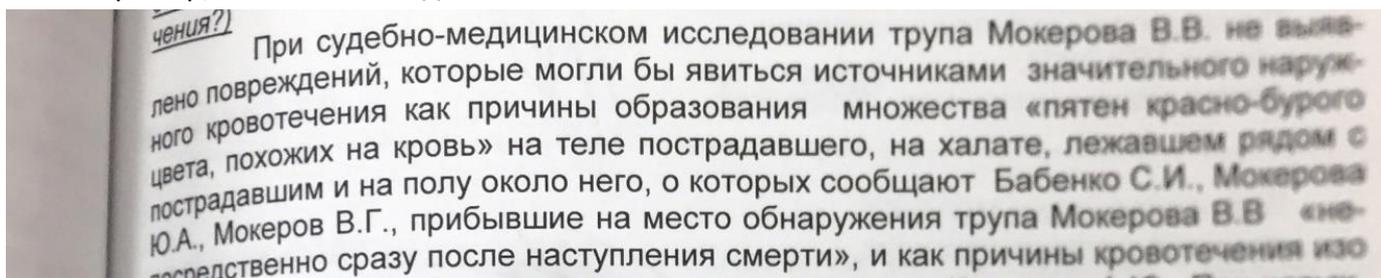
А такие подробности из показаний как «синяки в области паха» вообще никто видеть не мог, умерший все-таки не был голым и в присутствии навоображавших свидетелей труп не раздевали.

Например, Мокеров В.Г. показал (из приговора): «На груди, руках, ногах, в области паха Мокерова было много кровоподтеков, ... на нем лежал залитый кровью

халат. Кровь была также на полу... на уровне изголовья, он видел небольшие пятна крови. На подушке он также видел пятно крови». Приговор, л.4. На подушке, полагаю, «увидел» потому, что в тот период активно проталкивалась в обвинение версия удушения подушкой.

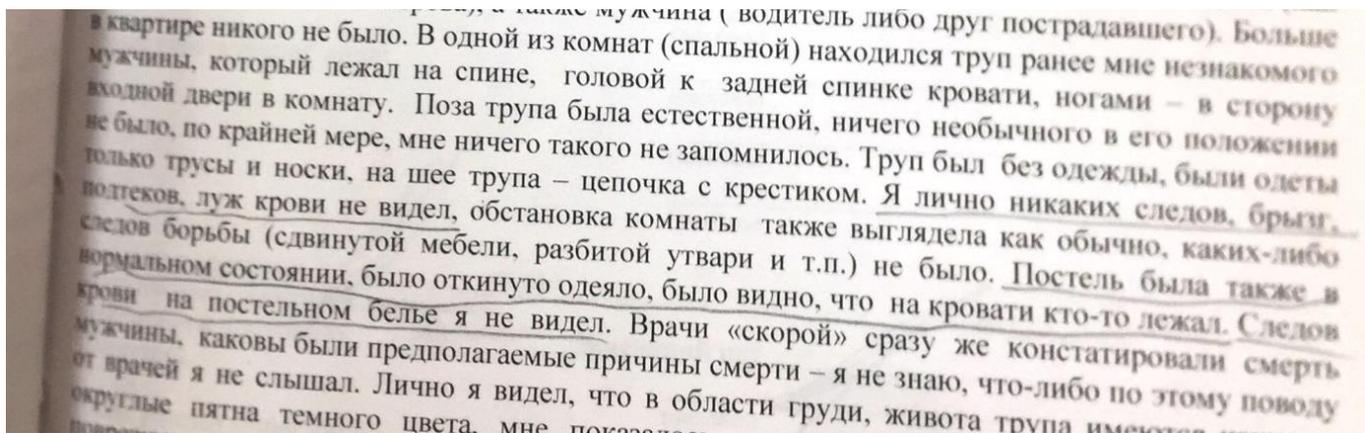
Почему суд против сложившейся судебной практики не поверил явно независимым сотрудникам МВД и оперся на показания свидетелей, каждый из которых показал, что крайне негативно относится к Каратаеву?

А главное суд вынес приговор на основании показаний свидетелей, прямо опровергнутых и рядом СМЭ, и опровергнутых показаниями милиционеров и врачей. Например, вот этой: Т.3 Л.д. 170

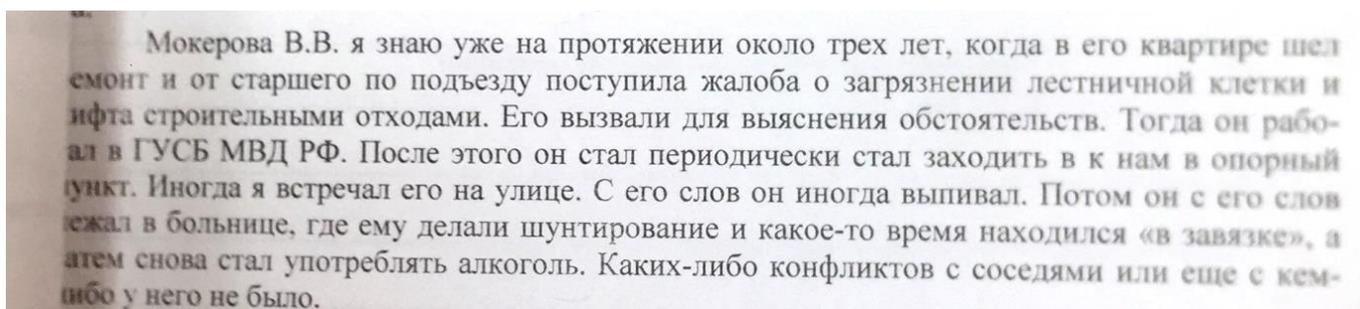
Вот что показал милиционер Волнистов

Т. 3 л.д. 126 милиционер – понятой прибыл вместе со скорой и находился 1 час

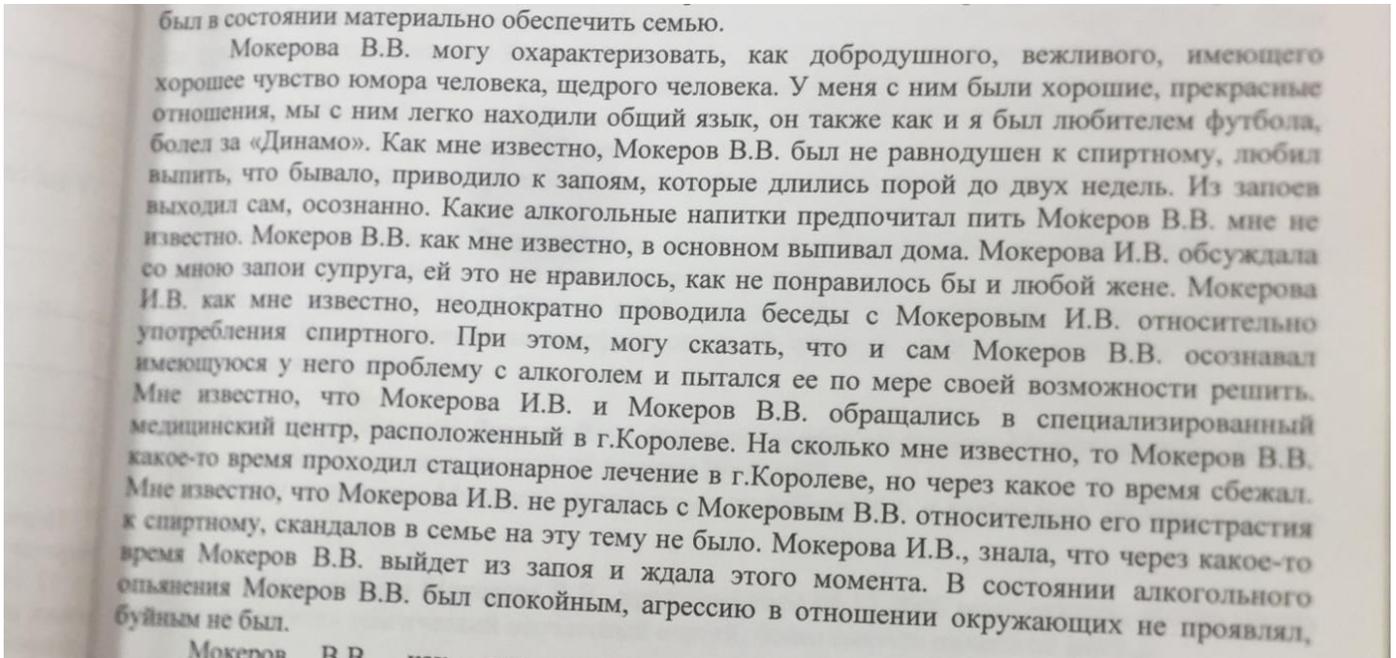
Есть и прямые независимые показания независимых свидетелей об алкоголизме умершего, например, участкового уполномоченного:

Участковый уполномоченный милиции, т.1л.д. 72

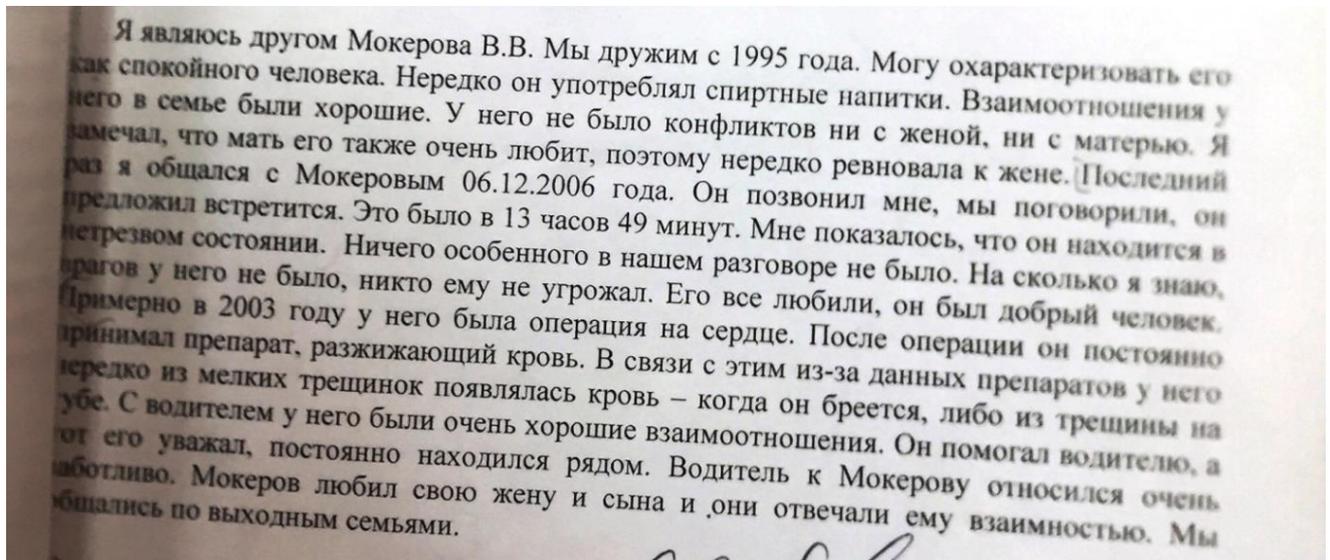

Из текста совершенно очевидно, что и заходил в опорный пункт умерший всегда пьяным, поскольку в ГУСБ МВД никогда не работал, но, выпив, любил чем-то таким блеснуть и пообщаться с «силовиками».

Свидетель Петров, т. 2 л.д. 22

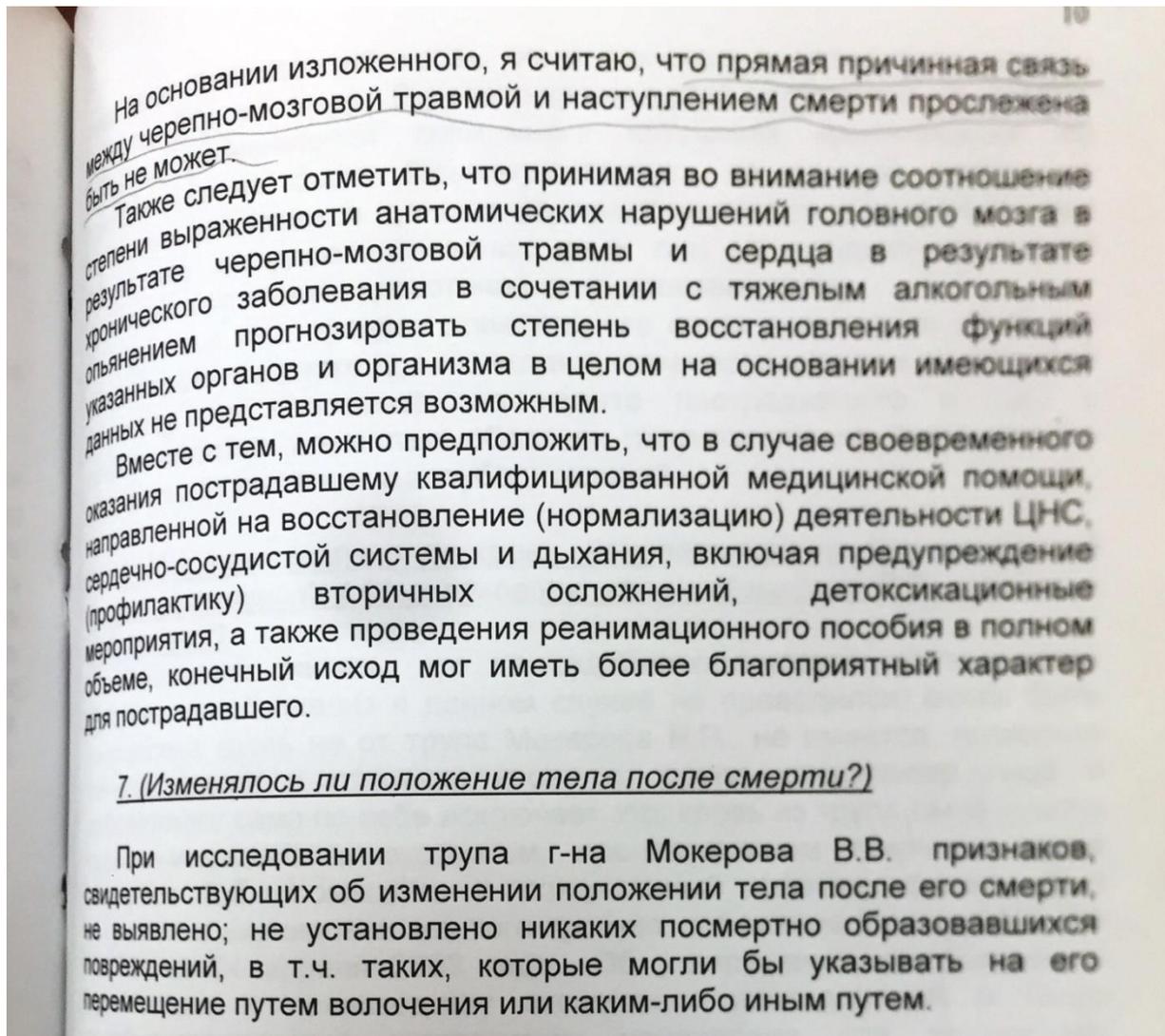

Свидетель Баласанян, т.1 л.д. 62

Суд не оценил этих расхождений, которые должны подорвать краеугольный камень всего обвинения – придуманный упомянутыми свидетелями «мотив». Мотив-то суд принял именно со слов свидетелей, которые придумали «море крови». Значит, они придумали и совершенно нереальный в контексте настоящего дела мотив (см. ниже).

Проф. Ромодановский т.3 л.д.180

Судебно-медицинские экспертизы проводились неоднократно, СРЕДИ НИХ ЕСТЬ И ПОЛНОСТЬЮ **ОПРАВДЫВАЮЩАЯ!** Хотел написать оправдывающая Каратаева, но на Каратаева никто и не показывал. Нет очевидцев!

Опытным судьям известно, как вскрывают и описывают патологоанатомы **НЕКРИМИНАЛЬНЫЕ** трупы, а труп умершего Мокерова при вскрытии не считался криминальным. Даже фотографий трупа нет.

По гамбургскому счету сильно доверять вскрытиям некриминальных трупов невозможно, а вместе с противоречивыми СМЭ получается, что «медицина» в данном процессе и вовсе - не доказательство.

Защита обоснованно ставила под сомнения сами факты тех или иных повреждений головы, ведь никто из врачей «Скорой» их не увидел и не описал, а на избитых лиц у них глаз наметанный.

Эксперт-гематолог Сологуб дает в этом смысле совершенно оправдывающее заключение, если оценить его по закону (из приговора): эксперт приглашен «...**для оценки влияния длительного приема антикоагулянтного препарата «Варфарин» на организм Мокерова.(показал)... Указанный препарат блокирует образование некоторых факторов системы свертывания в печени, его передозировка**

приводит К ВОЗНИКНОВЕНИЮ СПОНТАННЫХ КРОВОТЕЧЕНИЙ, образованию более массивных гематом, в тяжелых случаях — СПОНТАННЫХ ГЕМАТОМ, ТО ЕСТЬ БЕЗ МЕХАНИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (!!!!). НА ФОНЕ ПРИЕМА АЛКОГОЛЯ ДЕЙСТВИЕ «ВАРФАРИНА» УСИЛИВАЕТСЯ, ЧТО ПРИВОДИТ К ЕЩЕ БОЛЬШЕМУ ПОВЫШЕНИЮ КРОВОТОЧИВОСТИ. Длительное применение «Варфарина» может привести к снижению прочностных свойств костной ткани и развитию остеопороза, однако, объективных данных, подтверждающих, что длительное применение Мокеровым данного препарата, привело к развитию у него остеопороза, нет» Приговор, л.18.

Нет нужды напоминать суду, что в уголовном процессе отсутствие таких данных должно толковаться исключительно в пользу обвиняемого, а по делу все происходило наоборот.

Отказ от учета действия «Варфарина» построен экспертами-обвинителями на утверждении, кочующем по экспертизам (цитируется по приговору): *««Варфарин» может снизить минеральную плотность кости и усугубить развитие остеопороза (это «закладка» экспертов на случай обвинения в некомпетентности – прим. адвоката), но в медицинских документах Мокерова отсутствуют сведения, свидетельствующие о наличии у него данного заболевания.»* Приговор, л.90,91.

Но это же чисто оправдывающая формулировка. «Нет, значит, не было!» - это только из лексикона Остапа Бендера (см. фильм «12 стульев»).

Для доказательства отсутствия остеопороза, который в таких случаях есть у практически у всех (!) в уголовном процессе нужно иметь позитивное исследование костей, опровергающее остеопороз.

А якобы отсутствие паталогического разжижения крови при доказанном совместном приеме «Варфарина» и алкоголя «доказывается» врачами-обвинителями одной единственной ссылкой на неприменимый анализ крови, который Мокеров делал, во-первых, явно трезвым, а во-вторых, за 2 месяца до смерти.

Но фатальные паталогические последствия от «Варфарина» возникли у Мокерова именно ввиду одновременного с лекарством приема алкоголя в дозе достигшей 4.6 промилле, это более 2 бутылок водки. И выпил их Мокеров именно в день смерти, а не в день анализа за 2 месяца до нее. Это прямая подтасовка фактов в заключении экспертов в расчете на то, что никто не станет разбираться!

Только эксгумация могла подтвердить предположение экспертов о том, что «варфарин» по какой-то причине якобы в данном отдельном случае не повлиял существенно для дела на прочность костей и кровоточивость. Только эксгумация могла подтвердить предполагаемое экспертами-обвинителями якобы отсутствие остеопороза.

Ведь в отсутствии эксгумации отсутствие объективных данных в соответствии с действующей уголовно-процессуальной доктриной, обвинению и суду необходимо признать, что утверждение некоторых экспертов об отсутствии в данном случае влияния «Варфарина» не более чем их предположение, на котором нельзя построить ни достоверных для суда выводов экспертов, ни приговора.

Но эксгумация, которая могла бы еще несколько лет назад снять с осужденного все подозрения, не проводилась из-за категорического запрета матери. Формально ей стало жалко дорогой памятник.

смертью сына. Я категорически возражаю против осквернения могил моих близких. Над могилами моего сына и моего мужа находится единый памятник весом около пяти тонн. Без повреждения памятника, который стоит три миллиона рублей, и осквернения могилы мужа, невозможно проникнуть в могилу моего сына. Категорически возражаю против проведения этого следственного действия и прошу прекратить уголовное дело № 427534 по любым основаниям.

Фото д. 10 л.д. 26.

Суд об эксгумации с ней согласился, в эксгумации отказал и дело было прекращено. При возобновлении нельзя было доводить дело до суда без эксгумации, которая, по мнению СМЭ, необходима.

Дело конечно не в памятнике. 3 миллиона рублей для семьи матери – «копейки». Мать, полагаю, отлично понимала, что все обвинение просто придумано ею! Если бы имела место эксгумация, то все обвинение немедленно рухнуло бы. Но при отказе от эксгумации, **ЕСЛИ СЛЕДОВАТЕЛЬ УЖЕ СЧЕЛ ЕЕ НЕОБХОДИМОЙ ДЛЯ ДОКАЗЫВАНИЯ**, нет оснований для осуждения Каратаева.

Что значит согласно УПК РФ назначение эксгумации? Значит у следствия недостаточно исходных данных для СМЭ. В частности для важнейшего суждения об отсутствии остеопороза.

Значит без эксгумации все (!) обвинительные СМЭ не обоснованы. При таких условиях суду следует принимать оправдательные СМЭ, которые были весьма категорическими и без всяких оговорок (типа «при исследовании принимаем что...»). Экспертам-оправдателям не требовалось эксгумации.

Мнения экспертов, как видим, противоречивы на 180 градусов, даже имеются особые мнения при комиссионных экспертизах, что случается крайне редко. Поэтому суд фактически проводит заочное голосование экспертов. По его результатам большинством голосов побеждают эксперты, которые написали выводы... О чем?

Не о том, что умершего кто-то бил, а лишь о том, что синяки якобы появились не сами собой, как считают многие эксперты, а от «соударений», и **НЕ ИСКЛЮЧЕН** (так в приговоре!) такой механизм их возникновения как удары руками и ногами.

А поскольку кровоизлияний в мозг несколько, то значит, делают необоснованный для данного случая вывод эксперты-обвинители, что и били его по голове со всех сторон. Насчет кровоподтеков значительная часть экспертов пишет, что кровоподтеки на коже при одновременном приеме алкоголя (4.6 промилле!) и «Варфарина»: (из приговора) *«могут образовываться просто от массирования висков руками»*(Приговор, л.17). И даже пишет другой эксперт: *«спонтанно»* (Приговор, л.17).

Суд не поставил перед собой и не ответил на вопрос, который должен был бы поставить после того, как решил, что выводов большинства экспертов достаточно для общего вывода о том, что умершему причинен вред человеком. Вот этот вопрос: «Что

доказывает участие в причинении вреда здоровью умершего именно осужденного Каратаева?»

Опять та же ошибка. Почему суд сделал вывод (из приговора): «Версия стороны защиты о том, что Каратаев не причастен к смерти Мокерова, представляется суду неубедительной, поскольку в момент произошедших событий в квартире находились только погибший Мокеров и подсудимый Каратаев» (Приговор, л.85).

Этому утверждению суда в деле нет никаких подтверждений.

Каратаев виновен, решил суд, потому что в деле нет сведений, что в квартире был кто-то еще. Даже «Московский комсомолец» в 2011 году писал, что убил Мокерова «неустановленный преступник, которого скрывает водитель» (Каратаев). Квартира большая. Из материалов дела видно, что ни няня, ни сам Каратаев в другие комнаты не заходили. Любой мог легко и незаметно скрыться с места происшествия. А если бы Каратаев его увидел, у нас было бы два трупа.

Конечно при очевидной версии естественной смерти, это все - выдумки, но если суд пришел к ошибочному выводу о смерти насильственной, то такая версия должна была бы быть исключена.

Потому что против Каратаева нет, и не было, вообще никаких доказательств его причастности! Это мог быть кто-то третий. Собутыльник, партнер по бизнесу. Наемный убийца, наконец, нанятый конкурентом. Мокеров успешно работал (был «олигархом» в очень конкурентном, если не сказать криминальном бизнесе поставки нефти и лекарств), потому и пил.

Обвинение исходило из следующего: «Вроде никто не показал, что-то кто-то еще в квартиру приходил». А квартира-то у Мокерова была немаленькая, единственная прислуга и охранник находились в одной комнате. Разве могли они достоверно знать, что больше в квартире никого нет?

Полагаю, что вероятность такого развития событий побольше, чем то, что придумал следователь. С какой стати охраннику вдруг бить шефа, если он пьяный оказывался очень даже частенько, и после каждого такого эксцесса щедро вознаграждал своего «няньку». Более того, шеф постоянно оплачивает обучение дочери в ВУЗе и обещает самого Каратаева переселить в Москву поближе к себе?

О якобы неприязненных отношениях между охранником Каратаевым показывают всего три лица, причем те же что и про доказано отсутствующее «море крови везде». Понятно – это показывает сама мать умершего, у нее позиция как у всех матерей для всех случаев смерти детей: «кругом враги» сына убили все окружающие – партнеры, жена, прислуга и проч. и проч. Из показаний матери: «Каратаева она может охарактеризовать только с отрицательной стороны»,

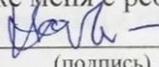
И еще два водителя. Персональный водитель матери, зависящий от нее по службе. И приведенный адвокатами матери за руку водитель, уволенный умершим, на место которого взяли именно Каратаева и, естественно, сильно на осужденного обиженный. Все остальные свидетели из тех, кто высказал свое суждение, говорят о совершенно обратном положении вещей. О том, что умерший не мог нарадоваться на Каратаева. Например, супруга умершего: «Каратаева она может охарактеризовать только с положительной стороны».

Вот и все доказательства выведенного судом мотива, других нет.

Суд критически отнесся к показаниям Каратаева о том, что он услышал грохот от падения тела весом в 130 кг., находясь рядом с няней (они вместе одевали ребенка умершего, который очень любил Каратаева и без него одеваться не хотел), так как в суде няня под огромным давлением обвинителя с испугу показала, что грохот был «как от падения коробки конфет» (пример придумал гособвинитель). Надо понимать психологию всех нянь и домработниц, они повторяют все, что хочет «начальник». Она просто через 11 лет согласилась со всем, что от нее хотели услышать «граждане-начальники». Но до этого с 2007 до 2016 года 8 раз няня последовательно показывала о грохоте.

Показания няни Насибулиной (т. 1 л.д. 19) 2007г.

после обеда чтобы он поспал на свежем воздухе. Пару раз при мне Андрей заглядывал в спальню к Владимиру. Когда примерно в 15 часов 40 минут я стала одевать Сережу (Андрей помогал мне в этом), из спальни доносился сильный грохот. Мы с Андреем переглянулись, я быстро одела Сережу и сразу же пошла с ним на улицу, а Андрей пошел в спальню посмотреть что случилось. Потом, в начале седьмого, когда я была с ребенком на улице мне сообщили, что с Володей случилось несчастье и попросили чуть-чуть задержаться на улице. В квартиру я больше не заходила. Позже меня с ребенком отвезли на квартиру к отцу Ирины.

(подпись)

Няня, т. 1 л.д. 44, 2008 г.

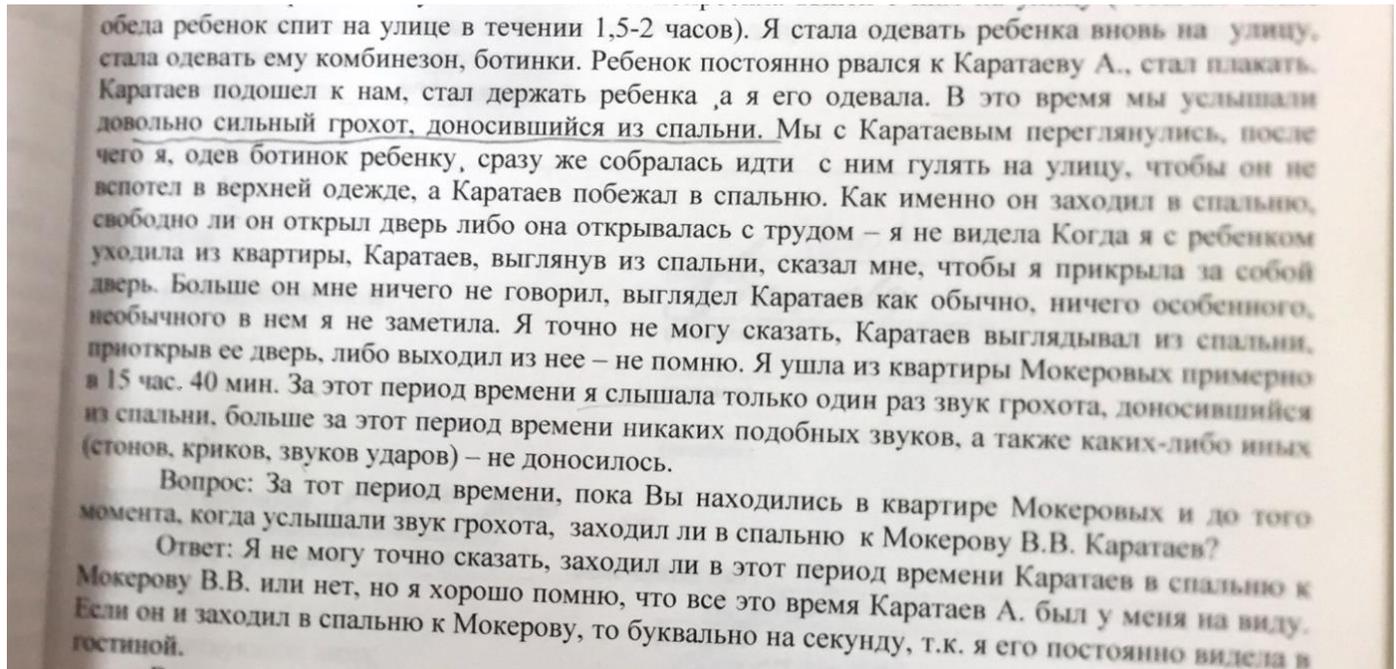
неделю.

Настаиваю, что когда я одевала ребенка, чтобы второй раз пойти гулять, мне помогал водитель Макерова В.В. – Андрей, который придерживал ребенка, пока я его одевала. Мы находились в коридоре, когда услышали грохот из комнаты, где спал Макеров В.В. Грохот такой, как будто кто-то упал. Андрей побежал в комнату и через некоторое время Андрей вышел и сказал мне: «Захлопните за собой дверь». Более Андрей мне ничего не говорил. В квартиру я в этот день более не поднималась, т.к. вечером меня разыскал Андрей и сообщил о том, что Макеров В.В. умер и попросил погулять до 20 часов и не подниматься в квартиру.

Няня, т.1л.д. 76,2009 г.

после обеда чтобы он поспал на свежем воздухе. Пару раз при мне Андрей заглядывал в спальню к Владимиру. Примерно в 15 часов 40 минут я стала одевать Сережу, Андрей помогал придерживая ребенка, пока я его одевала. Мы находились в коридоре, когда из спальни доносился сильный грохот. Грохот был такой, как будто кто-то упал. Мы с Андреем переглянулись, и он побежал в спальню и через некоторое время вышел сказав «Захлопните за собой дверь». Я взяла Сережу пошла с ним на улицу. Потом, в начале седьмого, когда я была с ребенком на улице мне сообщили, что с Володей случилось несчастье и попросили чуть-чуть задержаться на улице. В квартиру я больше не заходила. Позже меня с ребенком отвезли на квартиру к отцу Ирины.

Т. 3 л.д.107,2010 г.

И еще несколько раз няня показывала про грохот! Почему суд не спросил няню, как всегда это делается? Подтверждает ли она свои более ранние показания? И когда она лучше помнила события - через 3 месяца после события или через 11 лет?

Из этих куцых, а главное совершенно в суде непроверяемых исходных данных, исходных данных, противоречащих многим другим показаниям, исходных данных, не подтвержденных врачами «скорой» и опровергаемых сотрудниками милиции, бывшими на месте происшествия, наворочены целые тома «липовых» СМЭ и, даже совершенно немыслимых по степени своей необоснованности следственных экспериментов, и все они - не более чем предположения в силу явной ущербности исходных данных и полной противоречивости мнений различных экспертов.

Отсутствие третьих лиц в квартире – не более чем предположение.

А в случае доказательства вины «от противного», как в нашем приговоре - «если не он, то кто же?», суд обязан строго исключить самую возможность наличия неустановленных лиц, которых никто не устанавливал, не искал, замки на предмет вскрытия не исследовал, комнату на предмет следов посторонних лиц не исследовал, квартиру на предмет хождения по ней умершего не исследовал.

Более того, строго говоря, не доказано даже то, что травмы получены умершим именно в квартире. И это – всего лишь предположение. Умерший вполне мог выйти на лестничную площадку, в поисках водки, подраться там с кем-то, войти в квартиру и умереть. Поквартирный обход не проводился. Никакие иные версии не проверялись. И последнюю бутылку водки он вполне мог выпить в квартире, сходяв за ней, например, на кухню, или выпив припрятанную в любой из комнат.

О том, что нет никаких доказательств, указывающих на Каратаева, кроме того, что он находился в квартире, защита уже писала.

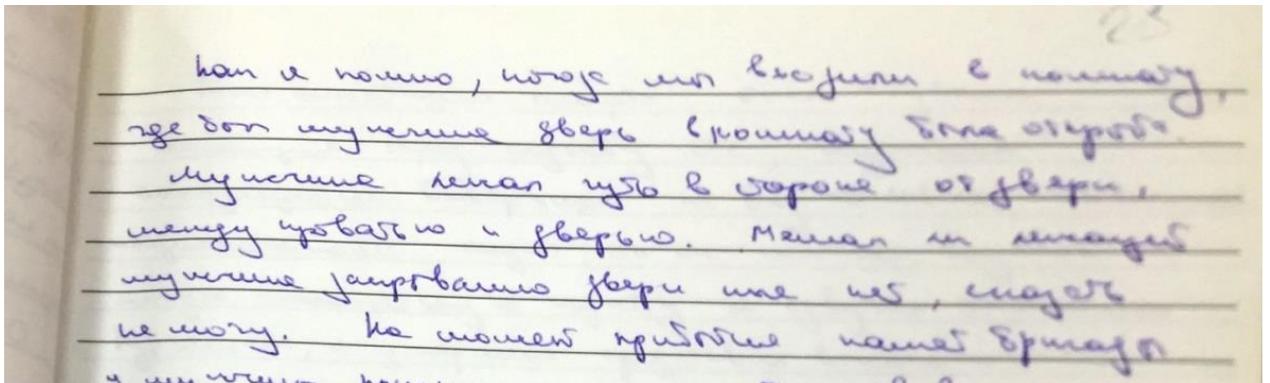
Напомню, что практически невозможно нанести несколько ударов по голове, не оставив внешних повреждений кожи и мягких тканей, а в рассматриваемом случае таких повреждений от ударов нет. Места якобы ударов якобы «нашли» эксперты

«обвинители» только по косвенным внутренним кровоизлияниям. Но если суд отчего-то решил, что умершего били, то чем опровергается версия, что злодей проник в комнату, избил Мокерова, потом тот попытался встать и упал, что услышали няня и шофер?

Ничто в деле не исключает наличие в квартире третьего лица. Суд даже не вдавался в этот вопрос.

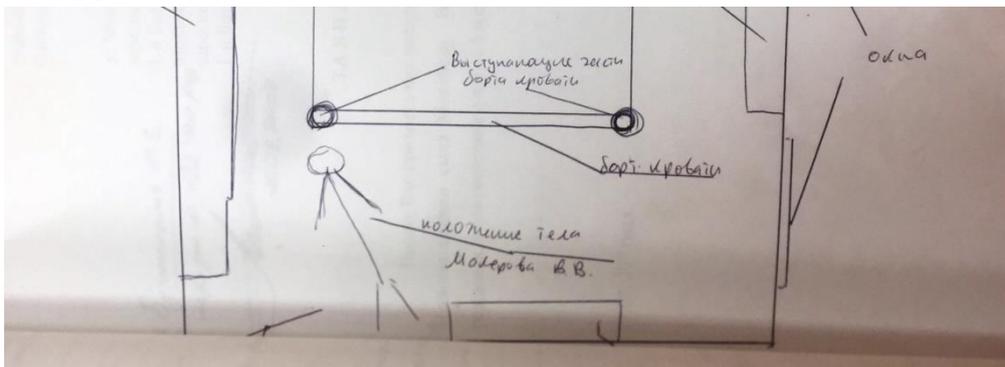
А был обязан! Обвинение говорит, что «соударял» Каратаев, а Каратаев обоснованно и последовательно отрицает, разве не обязан суд исследовать версию Каратаева? Не исследовал, и не исключил!

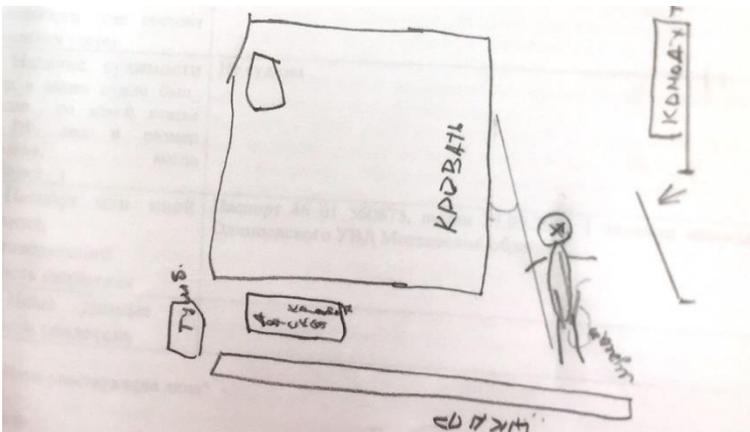
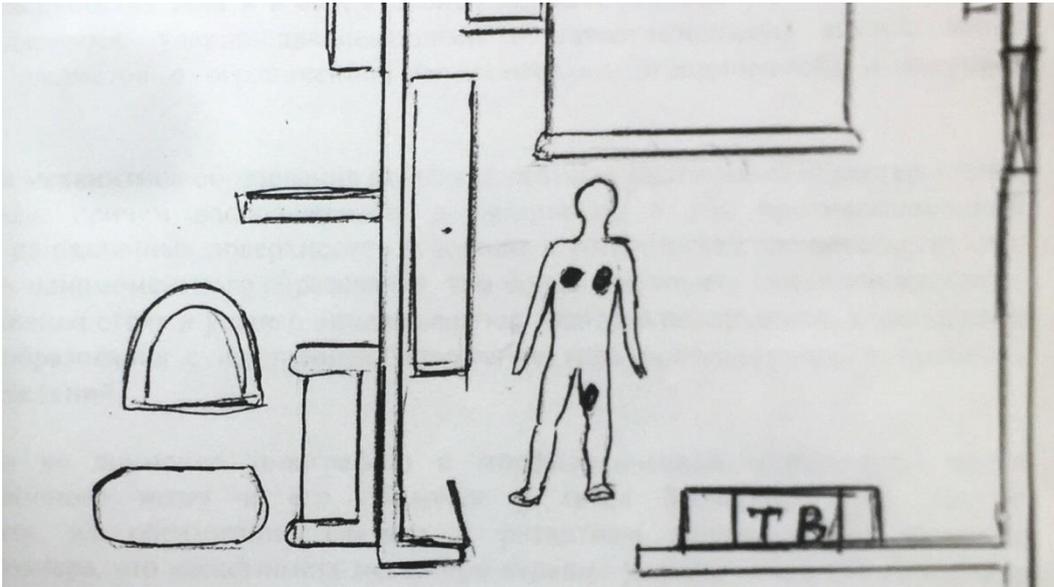
Одним из ошибочных аргументов против версии Каратаева является тот факт, что якобы он неправильно указывает положение тела на полу. Можно просто ответить: «Ну, и что?» Что этот факт доказывает? А можно посмотреть, что показывают другие свидетели:

Тут написано врачами «скорой»: «... мужчина лежал чуть в стороне от двери», а другие очевидцы трупа помнят положение трупа очень по-разному.

Выберу наиболее показательные:

Фактически по делу нет двух одинаковых показаний о положении трупа и это нормально. За период более часа, в который трупу разные лица делали искусственное дыхание, положение трупа могло, как угодно, измениться.

Теперь о личности Каратаева и степени ее общественной опасности, вернее, ее полной общественной безопасности.

С момента смерти Мокерова прошло 11 лет. Эти 11 лет Каратаев под стражей не содержался. Каратаеву было известно, что в отношении него не проводятся оперативные мероприятия. Каратаев многократно мог скрыться от правосудия, если бы чувствовал себя виновным, например, переселившись на Украину. И Украина его бы никогда не выдала. Да и никакое другое государство при таких доказательствах не выдала бы. Только человек абсолютно уверенный в своей невинности и еще уверенный в справедливости нашей судебной системы 11 лет будет ждать приговора, ходить на бесконечные допросы и «эксперименты» очень сомнительных врачей, кое-кто из них уже осужден за взятки, кое-кто срочно уволился из своих хлебных мест «по собственному желанию».

За 11 лет в отношении Каратаева не было вынесено ни только ни одного уголовного приговора, но и административного постановления, кроме связанных с его работой профессионального водителя. К показаниям, как обоснованно представляется, «подставного» свидетеля Позур якобы заявившего о побоях со стороны Каратаева в

2009 году, следует отнести критически (из приговора): «7 июня 2009 года к нему (участковому) поступил материал проверки по заявлению Позур на неправомерные действия Каратаева. Из заявления и объяснения Позур следовало, что Позур на своей автомашине и Каратаев, на своей автомашине, не смогли разъехаться на узкой дороге. В связи с этим Каратаев нанес Позур телесные повреждения в области лица. Однако, в день обращения телесных повреждений у Позур он не видел. Для освидетельствования в Бюро СМЭ г.Луховицы Московской области Позур не явился». Имейте все признаки подставного свидетеля. Кроме того, даже со дня этого несущественного события между мужиками, живущими в одной деревне, прошло 8 лет.

Полагаю, что ссылка в приговоре в обоснование назначения Каратаеву сурового наказания – 10 лет лишения свободы в колонии строго режима, на этот ничем не доказанный случай, даже, если суд признает его имевшим место – ошибочна. Суд фактически необоснованно придал недоказанному инциденту с Позур **значение отягчающего наказания обстоятельства** в противоречии с закрытым перечнем ст. 62 УК РФ.

Раздел 4. Дополнительные аргументы и просительная часть.

Столь суровое наказание не вяжется еще и с тем, что **судья не брал Каратаева под стражу в период суда и даже перед оглашением приговора**. Якобы столь опасное лицо, якобы заслуживающее очень строгого наказания и «строго режима», просто не могло бы находиться под «подпиской». Иначе судья очень рисковал своей мантией. Очевидно, что сам судья не верит в общественную опасность подсудимого.

Наиболее распространенная точка зрения в доктрине состоит в том, что законодатель связывает освобождение от уголовной ответственности и наказания в связи с истечением сроков давности с неизбежным уменьшением общественной опасности самого правонарушителя в течение определенного значительного срока прошедшего с момента совершения преступления, а в основе отказа от наказания по истечении определенных сроков **лежит «принцип гуманизма»**.

Кроме того, прошу обратить внимание на то, что процесс исправления личности в период течения срока давности предполагается непрерывным (это вытекает и из закона и из доктрины). Прошло более 2/3 срока и любой даже настоящий преступник стал вдвое-втрое менее опасен! Сложившаяся судебная практика этот вывод «по умолчанию» подтверждает.

Но если общественная опасность всегда уменьшается с течением срока давности постепенно, а не скачкообразно в последний день срока, что было бы нонсенсом, то назначение столь строго наказания через 11 лет - негуманно, несправедливо, объективно - в силу сказанного не соответствует личности лица, признанного виновным, и противоречит судебной практике.

Прошедшие безумные с точки зрения «разумного срока судопроизводства» 11 лет следствия – уже сами по себе серьезное наказание. Об этом говорит и практика ЕСПЧ. 11 лет Каратаев был ограничен в свободе «подпиской о невыезде».

Суды это не учли.

Разве своим поведением после 2006 года осужденный (я тут не прошу переоценивать его причастность к происшествию), не доказал возможность своего существования среди граждан без заключения под стражу? Доказал!

Но нет, через 11 лет лицу, не содержавшему под стражей, не совершившему за 11 лет никаких правонарушений **назначается удивительно жестокое для обстоятельств дела наказание.**

Даже из текста этого жестокого приговора видно, что, по мнению самого суда (позиция защиты состоит в отсутствии события преступления), умысел у осужденного возник спонтанно, действовал он один, после совершения преступления делал пострадавшему искусственное дыхание, осужденный не скрылся, лично сообщил о происшествии потерпевшей - супруге умершего, полагая, что этого достаточно, дождался прибытия милиции, улики не скрывал. Такое поведение **суд обязан был признать смягчающим наказание обстоятельством, имеет место прямое нарушение закона ст. 61 УК РФ.**

Имеет место и обстоятельство по п. «К» ч. 1 ст. 61 УК РФ, Каратаев делал Мокерову «искусственное дыхание», юридически это называется – «оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления». Суд, подтверждая этот важнейший факт в приговоре, просто опустил его из оценки. Но только это смягчающее наказание обстоятельство понижает предельную планку наказания до 10 лет лишения свободы.

Суд не признал смягчающим наказание обстоятельством п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ («противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления»). А ведь оно даже описано в приговоре. По мнению суда, причиной спонтанного поведения осужденного было алкогольное опьянение умершего (напившегося в общественном месте и вышедшего к ребенку пьяным и полуголым), т.е. классическое «аморальное» поведение.

Получается, что осужденному при таком «деле», при огромной и не поддающейся снижению вероятности отсутствия события преступления ошибочно назначено максимально возможное наказание.

Вместе с тем, если события, являющиеся предметом исследования по уголовному делу, отражены в приговоре неверно, а это именно наш случай, то такой приговор не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и он должен быть исправлен независимо от того, что послужило причиной его неправосудности. Неверное отражение в приговоре событий (изложено выше по жалобе) является нарушением закона – ст.297 УПК РФ.

Иная трактовка уголовно-процессуального закона не соответствовала бы праву кассационной инстанции на прекращение уголовного дела (ч. 1 ст.401.14 УПК РФ). Любое прекращение по любому основанию очевидно невозможно без установления обстоятельств дела путем их прямого исследования на основе имеющихся в деле доказательств. Конституционный Суд РФ указал, что недопустимо такое ограничение круга оснований для пересмотра вступившего в законную силу судебного решения и такое ограничение полномочий судов по проверке этих оснований, которые делали бы

теоретически невозможным исправление незаконного, необоснованного или несправедливого судебного решения (постановление от 16.05.2007 № 6-П).

В связи с вышеизложенным, кассационная инстанция имеет право на несогласие с оценкой доказательств, приведенной в приговоре (см. Кассационное определение ВС РФ от 23.09.2015 № 89-УДП15-12). И такие примеры не единичны. Постановлением президиума Тюменского областного суда от 23.10.2014 был отменен обвинительный приговор в отношении осужденного гражданина. Кассационная инстанция посчитала приговор необоснованным, дав иную оценку доказательствам, а само дело прекратила в связи с отсутствием в деянии осужденного состава преступления.

Уверен, что по вышеизложенным доводам не могут не возникнуть «обоснованные сомнения» в законности обжалуемых решений. Отнюдь не хотелось бы получить формальную отписку, содержащую общие не конкретизированные фразы, где не содержится ответов хотя бы на главные (из раздела № 2 и раздела № 4) доводы защиты о незаконности приговора суда. Речь идет о самой жизни невинного человека, которого через 11 лет приговорили за пару-тройку не совершенных им толчков к 10 годам строго режима.

Для проверки обжалуемых решений ввиду вышеуказанных нарушений закона, а именно: ч. 3 ст. 14, ч. 3 ст. 60, ч. 2 ст. 74, 75, ст. 88, ст. 297, ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ (в соответствии с п.10 ППВС № 2 2014 г.), ч. 2 ст.5, ст.7, статьи 61, 62 УК РФ многогранно повлиявших на приговор и повлекших осуждение невинного лица

Прошу:

истребовать уголовное дело, рассмотреть его в судебном заседании суда кассационной инстанции (ст.401.11 УПК РФ), обжалуемый приговор и апелляционное определение отменить, уголовное дело прекратить в связи с отсутствием события преступления (ч. 1 ст.24 и ст. 401.14 УПК РФ).

Приложение: Ордер Адвоката.

Адвокат Алексей Куприянов
почетный юрист города Москвы, член редакционного совета журнала «Уголовный процесс»